

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяца.

Предплатя :
на годъ 3 зр. 60 к.
на пѣль г. 1 зр. 80 к.
на кварталъ 90 кр.

ДРУГЪ

Редакція и администрація
улиця Краковская ч. 19.

Неопечатанныя
рекламаціи принимаются
на почтъ безплатно, и
увзглядяются лишь до 14 дней.

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

Д Е Н И С Ъ повѣсть.

Написалъ Михаилъ Вагилевичъ.

IV. Одинъ по другомъ.

To serce jest jak Pelikan, gdy leci
Przez obszar pustyń, do gniazda, do dzieci,
Krew swa gotowy za żywność im przelać,
Życie z głodnemi nie skapy podzielać :
Już dziubem piersi rozranit szlachetne
I widzi tylko swe gniazdo — bezdzietne.

Mickiewicz.

(Продолж.) Четыри роки минуло отъ того времени. Я ходилъ далѣ до школы, учился пильно, учителей любилъ мене и допомагали, що было въ ихъ силѣ. Добрыи кондиціи, чи яка писанина доставалися менѣ зъ ихъ ласки и я былъ доволенъ, коли мѣгъ уже тѣлько заробити, що не былъ уже тягаромъ Коцубалинскому. Той добрый чоловікъ любилъ мене якъ рѣдныи батько и радовался моими успѣхами.

Що року во время празникъ посѣщаль я на кѣлька недѣль моего старого батька, а не приходилъ я николи съ порожными руками до дому, то сестрѣ гостинця, то батькови якій дарунокъ — завсѣгды принесъ я щось съ собою. Тоже и нетерпеливо ожидали мене дома, коли надходило время празникъ.

А змѣнилось тамъ у насъ отъ того времени чи мало. Старшии сестры повыходили за мужъ, не за богатыхъ, но за честныхъ и тверезыхъ людей. Одинъ братъ присталъ до удовицъ ажъ на друге село, молодшого взяли до войска, и погнали гдесъ далеко на Угры, а въ хатинѣ остались тѣлько старшии батько и одна сестра о рѣкъ старша отъ мене.

Межи учениками, повѣренными моему печенію, былъ одинъ именемъ Евзевій Врецинскій, которого читательки уже знаютъ, бо то былъ той самый, що за моего запису такъ прехорошо отвѣчалъ зъ географіи. Здогонилъ я его заразъ въ второй класъ, котру бнѣ зневоленный былъ повтаряти — несчастная жертва безчувственности и негуманизма учителей.

Вспоминаю о немъ тутъ за-длтого, бо той чоловікъ назначенный былъ отограти не послѣдню

ролю въ той повѣсти. Впрочемъ былъ то не злый хлопецъ, малъ добре сердце; цѣлою его хибою было, що дуже утяжливо приходила ему вымова самогласныхъ, черезъ що заиковался страшенно и былъ дуже тупого понятя. Но въ томъ не его вина, тѣлько мачохи-природы, котра его такъ скудно успособила.

За наилучшу иллюстрацію природныхъ дарованій его ума може послужити слѣдующій примѣръ :

Разъ заповѣлъ намъ господинъ директоръ, щобысмы училися пильно, бо небавомъ посѣтитъ наше заведеніе инспекторъ. Читателю! если ты коли былъ ученикомъ, то будь ласкавъ пригадати собѣ, якимъ паничнымъ страхомъ наполняе сама лишь згадка о томъ страшливомъ достойнику школьномъ не тѣлько учениковъ, но и самыхъ учителей. Тыхъ послѣднихъ ожидае похвала або нагана, пѣсля того, якъ барометръ умѣтности учениковъ окаже, а учителей не занежаютъ ученикамъ такую самую мъркою отвѣрити, якою мѣрилъ имъ господинъ инспекторъ.

Що тамъ было приготовлений и обучений на принятіе того потентата, а именно зъ латины, котра есть каменемъ пробы для учениковъ второй класы. Професору латины, молодому супленту ходило о то, щобы достойно пописатися передъ своимъ зверхникомъ; тоже въ нашій класъ отбывалася истинна мандрѣвка народѣвъ.

Ба то треба знати, що то за своевольныи люди, ти инспекторы. Комусь якого збытка выплаты, когось въ слабу сторону ударити — ото для нихъ наибѣльше удовольствіе. Но нашъ суплентъ хотя молодой, знался на такихъ инспекторскихъ финтахъ и хотѣлъ зъ горы отпалировати ихъ тымъ, що намѣрилъ держатися тактики досвѣдченого вожда, который найхоробрѣйшихъ войнѣвъ звычайно въ резервъ собѣ оставиле, щобы въ рѣшительной хвили въ огонь ихъ выправити. Такъ и бнѣ: отличныхъ учениковъ посадилъ въ послѣднихъ рядахъ, на которыи то мѣстця инспекторы наибѣльше звыкли звертати увагу, середній мусли переноситися до першихъ лавокъ, щобы замасковати фронтъ; тыхже, котрыхъ голова есть неплѣдною нивою для науки, помѣстилъ въ середину, бо

на такихъ мѣстцяхъ инспекторске око мало коли спочивае.

Выбила наконецъ рокова година. Эскархъ школьный появился въ клясъ и розпочалася продукция. Зъ початку ишло яко-такo: професоръ пыталъ самъ, инспекторъ сидѣлъ на креслѣ и дръмаючи прислуховался. Мы думали уже, що тая зловща хвиля перейде безъ нѣякихъ послѣдствій для насъ, коли наразъ стрѣлило щось господину инспекторови до головы, зъвнуль на цѣлый ротъ, всталъ зъ мѣстца и приблизился къ лавкамъ.

Erlauben, Herr Professor... и зачалъ самъ пытати.

Нашастье хотѣло, що его око спочило на Евзевію, который розумѣся сидѣлъ межи середними.

— Скажи менѣ — вопросилъ его, — що то значить: *vasare culpa est magnum solatium?*

Евзевій надумовался.

— *Va...a...асса va...a...ассае, va...va...va...а ко...ко...ко...* и иканию не было кѣнца.

Sequéns! загомонѣлъ страшливый голосъ инспектора.

Но той *sequens* такожь не былъ лѣпнѣйшій отъ него.

Въ томъ Евзевій пѣднѣялъ руку:

— Я ска...а...ажу.

Но!

— Ма...а...ати коро...о...ову безъ хво...во...оста есть вели...лика потѣ...ха.

Гомеричный смѣхъ розлягся по сали, навѣтъ самъ инспекторъ благоволилъ свою урядову мину на усмѣшокъ стягнути, но тѣлько на хвильку. Махненьемъ руки упѣднулъ насъ, щобысмо повернули на порядокъ дневный.

— Чи ты самъ прійшолъ на такую гадку? вопросилъ Евзевія.

— Ме...е...енѣ пѣдпо...о...овѣлъ.

— Кто?

Евзевій всказалъ на ученика, що сидѣлъ ему прямо за плечыма.

Якъ ся называешъ? вопросилъ инспекторъ тамтого.

— Иосифъ Л. — былъ отвѣтъ.

— Ги! мрукнулъ господинъ инспекторъ, а по хвили додалъ:

— *Merken sie sich den Schalk, Herr Professor!*

Професоръ не занежалъ нагрозити Иосифу, коли инспекторъ отвернулся; но цѣла тота сцена не мала нѣякихъ послѣдствій для Иосифа. Видно професоръ забылъ на слова инспектора а може умышленно хотѣлъ забыти, бо любилъ его. Ба и ктожьбы не полюбилъ того доброго, хорошого хлоп-

ця? Отверта голова, найлѣпше сердце, а передѣ всемъ ширѣсть трискаюча зъ его очей — то было, що приклоняло ему сердца соучениковъ. Былъ онъ сыномъ священника зъ наддѣстрияскихъ сторонъ. Двое ихъ было у батька, якъ двое очей въ голову; онъ и молодша отъ него сестра Павлина. Кто знае, чи не предчувствіе яке поводило моимъ сердцемъ и вязало мя до того хлопця.

Но не перескакуймо событій, нехай плывуть по порядку, нехай розвиваються, якъ нитки изъ клубка.

* * *

Уже четвертї празнины малися къ кѣнцеві. Я сего року не ходилъ до дому, бо одинъ зъ моихъ элевѣвъ, которого родичи обитали во Львовѣ, малъ поправляти одинъ предметъ, тожь я остался, щобы его черезъ празнины достаточно приготовить.

Одного вечера, коли я повернулъ до дому, передала менѣ панъ Андреева запечатане письмо, которе листоношъ у ней для мене оставилъ.

Я здивовался дуже. Доси не отбиралъ я нѣякихъ писемъ; ѣтъкижь оно могло быти? Мене стиснуло щось за сердце, щось на видѣ зловщого предчувствія. Я розломалъ печать и сталъ читати:

„Честный господине! стояло тамъ — Доношу вамъ, що я зъ ласки Господа Бога здоровъ, тѣлько не дуже добре менѣ поводится, бо не маю зъ чого выжити.

— Но, но — гадаю собѣ, ничъ тутъ нема такъ злого. Читаю дальше: корреспондентъ пише еще о собѣ, о своей женѣ, о дѣтяхъ, которыхъ мае пѣлъ тузина.

— Гм, що мене тое касатися може?

Дальше нарѣкае на сегорѣчныи жнива, а дальше, о Боже, дальше стояло: У васъ дома не добре чувати, Вашъ батько небезпечно хорый, хотѣлбы съ вами побачитися. Упоминаю васъ, не теряйте времени и спыщѣтъ, бо кно знае, чи уже живого застанете. Ваша сестра была въ недѣлю у мене и просила, щобымы до Васъ написалъ...

— Боже, еще въ недѣлю! а днесъ уже маемъ пятницю, отъ того времени мѣгбы чоловікъ и десять разъ умерти.

Еще тамъ было кѣлька положеній, — може що бѣльше о батьку?

„Будьте такъ добрїи и купѣтъ въ Ставропигійскѣй книгарни кѣлька букварей для мене...

— А нехай тебе, чоловіче, съ твоими букварями, не комиса менѣ теперъ въ голову.

Пѣдписано было: Атаназій Тындюкъ, учитель.

Par parenthese додамъ, що той Атаназій Тындюкъ былъ учителемъ въ С. на мѣстце старого дяка, которого деканъ зъ Сокаля отъ того важного чина увѣльнити благоволили.

Якъ громомъ разила мене вѣсть о слабости отца. Хвилю стоялъ я якъ остолпѣлый, и мнѣ письмо въ рукахъ; звернуло то увагу доброй панѣ Андреевой.

— Що вамъ такого? — спросила — певне щось недоброго въ листѣ вычитали?

— Чи есть Коцубалинскій на горѣ?

— Бачу.

Пѣшолъ я на пѣддаше — мой опѣкунъ былъ дома, направлялъ щось коло фагота.

— А, добрый вечеръ! Где ваше такъ долго бавился?

Я мѣсто отвѣта востхнулъ, и слезы покотилися менѣ по лицу.

Зауважилъ се Коцубалинскій.

— Овъ, мостердью, а то що?

Я перечиталъ ему листъ; онъ выслушалъ въ молчанію.

— То недобра вѣсть, мостердью, дуже недобра. Треба ити домѣвъ и посѣтити хорого батька.

— Ой, я бы на крылахъ радъ злетѣти туда, коли дорога далека, а безъ крайцаря годъ пускалися.

— Ги, то правда, мостердью, но Богъ батько, и ктобы собѣ тамъ такую дурницею голову сушишь, маю я тутъ еще кѣлька реньскихъ, то и подѣлюся съ тобою. А коли хочешь въ дорогу?

— Заразъ! для мене кожда хвиля дорога!..

— То маешь тутъ, мостердью, три злр. и махай въ имя Боже!

Я взялъ грошій, завязалъ ихъ въ хустину и приступилъ до моего опѣкуна, щобы попрощатися.

— Таки заразъ идешь? Я не радилбы пѣдъ нѣчь! завтра досвѣта...

— Досвѣта буду уже кѣлька миль отъ Львова, впрочемъ трактомъ идуть люде, чого боятися?

— Та...

Я поцѣлувалъ его руку.

— Бувай здоровъ, мостердью, — сказалъ онъ цѣлуючи мене въ голову — а повертай скоро и съ доброю новиною.

За жолѣвскою рогаткою подыбалъ я людей ажъ за Кристинополя, що ѣздили за чимсь до Львова и вертали въ порожнѣ до дому. Я прислѣлъ съ ними. Сердце мое рвалося до той бѣдной хатины, где лежалъ хорый батько, якійсь внутренней голосъ шепталъ менѣ: кто знае, чи ихъ уже застанешь! Боже!

Сонце хилилося къ западу, коли я доходилъ до родинного села.

Якійсь дивный нешокѣй овладѣлъ мною. Кажуть, що коли буря зближаеся, то была лилія затворяе свѣій келихъ, неначе предчуваючи бурю: чижъ и душа чоловічка малабы мати чувство цвѣту?

Выйшолъ я на горбокъ, у которого стѣпъ розложилося наше село-и остановился. Якась дивна стагнація настала въ моей души. подобна той тишинѣ въ природѣ, нѣмъ буря наступити мае.

А чудный былъ видъ зъ того горбка: простора рѣвина, якъ далеко око засягне, розлягалася ажъ гень къ тымъ синимъ облачкамъ на небѣ, що выдавалися зъ далека якъ великанскіи горы, начертаній каприсными контурами. Помежи численными селами, що осѣненіи садами, подавали на клошбы въ великомъ огородѣ, блыщали воды Буга, неначе луска змѣи басно-словной величины вночюися въ найдивнѣйшій звои. Въ той хвили перехода дня въ нѣчь осѣла на рѣвинѣ вечѣрня мрака, такъ що цѣлый крайобразъ подобалъ на великанске озеро, тѣлько тутъ и тамъ мрѣли баніи церквей съ знаменемъ спасенія, неначе машты кораблей стырчали тутъ и тамъ верхи деревъ, леліяній легкимъ вѣтромъ, неначе корабельный фляги. А надъ тымъ всѣмъ пересувалися смуги дивного блеску и дивныхъ барвѣ, якіи по цѣломъ образѣ розливали светло сходячого мѣсяця.

Люде почали топити по хатахъ. и небавомъ зъ кождого ѳконця мелькало светло, тѣлько у насъ было темно — що то значитися?

Зловѣще предчувствіе пролетѣло черезъ мою душу и лиличимъ крыломъ трутило о мое сердце.

Скорымъ крокомъ збѣгъ я зъ горбка, минулъ село и небавомъ остановился передъ добре менѣ знакомыми воротами. Уворотъ привиталъ мене старый брысь, но кромѣ него не видати было нигде живой души. Върный псиско лестился коло мене и скавулъ зъ радости и провадилъ мя ажъ до дверей, котріи были замкненіи. Я силувался отчинити, но годъ, — скобель зъ внутри засуненый. Може поклялися спати? — но еще не часъ.

Пѣдойшолъ я пѣдъ ѳконце та запукалъ — наслухую, никто не отзываеся — пукаю разъ, другой — тишина... Іщо се значитися? Чи хата опу стошѣла?

На кождый способъ треба дѣстатися до внутри и наочно пересвѣдчатися, що тамъ дѣеся?...

Замки у нашихъ сельскихъ хатъ можна дуже легко ѳтчинити. Леда шнара въ дверехъ и леда яке оружье, а скобель легко ѳсунесея. Я малымъ уже зналъ той способъ, а ножикъ сталъ менѣ теперь дуже въ пригодѣ.

Вступилъ я до середины и засталъ двери хаты ѳтвореніи. Дивная гробовая вѣнь затѣгла мене зъ внутри, щось такого, що морозомъ по тѣль переходитъ и кровь въ жилахъ стинае. Была то мѣшанина ладану съ чадомъ церковныхъ свѣчокъ. Я стоялъ черезъ хвилю якъ остолпѣлый, пѣтъма ночи окружала мя докола и въ души моей было темно, тѣлько въ головѣ менѣ шумѣло.

По хвили отямился я, потеръ рукою по чолъ, на которе выступили каплї, а одна страшная мысль, якъ острѣмъ ножемъ тронула мое сердце — мысль тымъ страшнѣйша, що спряглася рука въ руку съ непевностію. О! бо далеко легше чоловікови око въ око зострѣтисся съ нещастьемъ, вправдѣ болить, страшенно болить, во не есть забавкою звонливою надѣи. Надѣя, то найвысше добро чоловіка, стаеся неразь его правдивою тортурою; бо якъ флюидумъ электричне, коли его перерываешъ, съ тымъ ббольшою силою дѣйствуе, такъ болѣзнь розсыяна лучами надѣи, съ тымъ ббольшою силою повертае, тымъ тѣснѣйше за сердце стискае.

Я хотѣлъ якъ найскорше позбутися непевности, якъ найскорше змѣритися съ нагою, хотѣбы найстрашнѣйшою правдою, оставилъ хату на розтвѣрѣ и поспѣшилъ до сестры.

Тамъ дбзнался я о всѣмъ.

Сестра и еи мужъ здивовалися не мало, коли мене побачили.

— Где тато, где Олена? спросилъ я таки зъ порога не витаючися съ ними.

Въ отвѣтъ залялася сестра рясными слезами а еи мужъ востхнулъ и махнулъ рукою, якъ чоловікъ, отъ которого не ожидай доброго отвѣта.

Молчанье тревало хвилю. Первый промовилъ швагеръ.

— Тата положили мы сегодня поббчч мамы.

Якъ острѣмъ завещували мя тїи слова по сердцю. Въ грудехъ мя щось стиснуло, не тямлю, що дальше со мною сталося, бо коли я прїишоль до себе, былъ я уже на кладбищи, лежалъ на гробѣ отца и заливался слезами. Тїи слезы опамятали мя.

Колись сказаль Гейне, що то якъ свѣтъ старая пѣсня, коли кому сердце стискаеся зъ розпуки, а однакожь тблько то разъ въ житїю прїидеся чоловікови заспѣвати на тую придавнену нуту. Той самъ поэтъ сказаль: подѣлена болѣзнь есть полуболѣзньою. Правда! но не въ кождбмъ случаю: О, бо суть болѣзни, съ которыми не дѣлимся радо, бо нѣтъ для нихъ потѣшенїя въ устахъ другихъ людей, бо то потѣшенье прибирае для сердца звукъ иронїи а сочувствїе выдаеся наругомъ. Такою ббозньо дѣлимся найраднѣйше тблько съ собою и съ Богомъ.

Чижь то не прехорошїй образъ для Голбайновского пензля? Нбчь темнымъ киромъ покрыла землю, тблько мѣсяцъ часомъ продернїсь из-за хмары дрожащимъ свѣтломъ осѣняе могилы кладбища, а надъ одною могилою похилился мелодецъ, и прїтулилъ розпалене чодо до сырой землї, подѣ которою спочивають дорогїи ему останки вѣчнымъ сномъ. А доокола глубока тишина, тблько вѣтрець часомъ подуе и листьє зъ легка зашелеститъ на деревинъ, часомъ свершокъ зацвѣркае межи травою. Таке

мѣстце ласкаве на болѣзнь, тамъ чоловікъ, тамъ духъ наветь не торкне летомъ о роздерте и кроваве сердце.

Якъ долго былъ я на кладбищи, якїи мысли переходили черезъ мою душу — не знаю. Кождый чувствующїй читатель, который хотъ разъ въ житїю былъ въ подобныхъ якъ я отношенїяхъ, извинить мене, увѣреашъ, що годъ въ такихъ случаяхъ здати собѣ рахунокъ зъ своихъ мыслей и чувствъ.

— Денисе! Роздался голосъ середъ тишины нбчнои.

Я злякался. Наслухался малымъ много сказокъ о опирахъ и ведьмахъ, що то о полуночнбй добѣ по цвинтаряхъ волочатся — ба и голосъ той выдался менѣ такъ дивнымъ, якобы выходилъ просто зъ подѣ могилы.

— Денисе! Роздалося уже близне; менѣ здавалося, що пбзнаю той голосъ.

Не на руку мнѣ, що ктось перерывае мою самоту. Менѣ такъ мило было на тбй самотѣ; я тутъ былъ въ своѣмъ элементѣ, страхъ былъ менѣ чужїй. Страхатися на кладбищи може тблько той, который не змѣрилъ еще глубины могилы, но кому могила иайдорожше, що малъ въ свѣтъ, скрывает, тому она дружкою, ряснїи слезы — радестїю, а нѣмый разговоръ съ тымъ, що тамъ спитъ подѣ еи покрывою — потѣшеньемъ.

— Денисе! чи ты тутъ? Загомочѣло уже у самыхъ ворбтъ.

Я пбдвѣлся зъ землї...

— Тутъ — отозвался я — чого хочете?

— Двохъ людей зближались до мене. Въ однбмъ пбзналъ я моего швагра, который занепокоеный моимъ долгимъ отсутствїемъ, вїишоль мене шукати. Другїй былъ его наймитъ.

— А ббїйся Бога — каже швагеръ — самъ въ ночи на кладбищи!

— Я тутъ не самъ. Духи тата и мамы съ мною.

— Ходи до дому!

— Менѣ тутъ добре!

— Май розумъ, тата не воскресишь.

И взялъ мене за руку и повель. Я не отягался.

Прїишли мы до дому, сестра еще не спала...

— А где ты былъ? спросила мене.

— На кладбищи — отвѣтилъ еи мужъ.

Она сумно покивала головою.

Полягали мы спати, но сонъ улѣталъ отъ моихъ повѣкъ, ледви надѣ ранкомъ зломилъ мя сонъ и я заснулъ твердо.

Слѣдующїй день забавилъ я межи своими, отвѣдалъ молодшу сестру, котору братъ взялъ до

себе на друге село; третёго дня всталъ рано, попрашался съ моими, вступилъ еще на кладбище, отмовилъ тиху молитву надъ могилками и поспышилъ назадъ до Львова.

*

*

*

Слѣдующаго дня передъ полуднемъ былъ я уже въ славномъ надполтвянскомъ городѣ. Панъ Андреева стояла у дверей камяницъ и ажъ плеснула въ долоні, коли мене побачила.

— А добре, що вы уже тутъ — сказала, коли я приблизился.

— Або що?

— А Боже, мы не знаемъ, якъ собѣ poradити!

— Щожь такого? спросилъ я нетерпеливо а въ души подумалъ собѣ: ого, певно щось лучилося моему опъкунови.

— Коцубалинского уже третій день нема дома, благоволила вконецъ по долгихъ ахахъ и охахъ высказати Андреева.

Тамъ тобъ! Одно лихо друге гонить, где тонко, тамъ рвеса.

— А въ полициі не пытали? спросилъ я по хвили молчанія.

— Та еще нѣ. Вчера ожидали мы черезъ цѣлый день, чей прійде, но его нѣ было, тожь нынѣ намъриль мѣй мужъ удатися на полицию, только пошоль еще по газеты для того грубого пана зъ первого поверха. Но ось и бнѣ!

И дѣстно на скруть улиці вказалася згорблена фигура господина Андрея, pleno titulo сторожа одноповерховой камяницъ на жолковскимъ передмѣстью.

— Авдрею! Авдрею! а ходижь скорше — крикнула его жена.

Андрей, у котораго звычайъ было завсѣгды передъ себе на землю дивитися, якобы за чимъ глядѣль, знать ве чуль голосу своей достойной супруги, бо не только шо не поскорился, но остановился и подкрутивши вуса, — хотя мимоходомъ сказавши, мало шо было подкручовати — и началъ читати якась обвѣщенъе, прильплена на нарожиомъ домѣ.

— А чи ве пѣйдешъ, ты, сновидо, ты... голосила панъ Андреева такъ звучно, шо Андрей мусьль зачути еъ, если не оглухъ въ время мого отсуствія.

Сторожъ не рушился зъ мѣстця, ще бѣльше засадилъ собѣ шапку на задъ головы, заложилъ обѣ руки по за себе не отрываючи очей отъ обвѣщенъя.

— О Боже мѣй, Боже!... востхнула Андреева и заломила руки.

Щожь вамъ такого? спросилъ я съ усмѣхомъ, бо мене уже зачинала смѣшити тота сцена, особенно же комичный типъ пана Андрея, ко-

торый вѣдай опоромъ постановилъ собѣ доказати половици, шо мужъ мае верховодити женѣ въ супружескомъ союзѣ, а о которомъ зналъ я дуже добре, шо былъ найсмирненнѣйшимъ рабомъ своей супруги. Мимо воли пригадалъ я собѣ на оного долгоухого въ байцѣ, шо то завзялся робити все, только не то, шо хотѣль его поговичъ.

— Ого! безъ сомнѣннѣ мусьль бити где на почестямъ. — голосила Андреева, котора знала жилку своего мужа, шо коли лыкне собѣ кѣлька келишчокъ господарской житнѣвки, то конче хоче мати свою волю.

— А чи идешъ уже разъ, ты пѣяку! волоцого... и якъ градъ о шибы сыпнулися слова, которые свѣдчили о всѣмъ прочѣмъ, только не о эстетичномъ вкусь панъ сторожевой шо до точки выраженья своихъ мыслей.

Но Андрей былъ непоколебимый якъ опока, змѣнилъ только позу, т. е. выдалъ живѣтъ на передъ и указательный палець поставилъ на чоло, якъ чоловѣкъ, который надъ чимъ глубоко заставлялся.

Того было за много для панъ Андреевой.

Мимо незвычайной туши, якобы ей десять лѣтъ отняло, помчалася, щобы конецъ положити ученымъ обсервациямъ своего мужа. Той вслѣдствіе нашествія неприязныхъ элементѣвъ змѣнилъ сейчасъ позу глубоко задуманого чоловѣка, а цѣнувшись о кѣлька кроковъ и вытягнувши руки передъ себе, стануль такъ въ оборонительной поставѣ.

— Алежь жъико, жъико, чога ты хочешъ отъ мене?

— До... дому пьянице... ледви выголосила Андреева, сапаючи якъ локомотива.

— Алежь, Каню, схаменися, та гдежь я иду, якъ не до дому?

— Но дивѣтея! иде до дому а сталъ якъ малѣванный на розѣ и читае якійс дурницѣй, и ани ему въ головѣ, шо жънка кличе.

— Алежь бо тото дуже важне, шо тутъ написано.

— Важне, важне, но не для тебе, маешъ жънку и дѣти. тебе таки дурницѣй обходити не повинни. А где ты такъ долго бавился, га?! Ужебы десять разъ вернулася съ газетовъ — пожди, ты пѣяку!

— Алежь, Каню, Касечко, любцю, я ничо не пиль.

— Не пиль, а пьяный якъ беля..

— Я только съ кумомъ Войтѣхомъ, шо то есть костельнымъ у святого Мартина, вступилъ на келишчокъ житнѣвки до Мехля — ей Богу, только на одинъ келишчокъ...

— А шо, не казала, шо бнѣ былъ уже въ шинку! — Боже мѣй, Боже! жънка и дѣти мль-

ють зъ голоду, а той пьяница пропивае послѣдній крайцарь....

— Що? я пьяница — ты мене передъ людьми пьяницею будешь называти! Эй жывко стрывай, бо ей Богу, такъ собѣ съ тобою пораду, якъ кумъ Онуфрѣй съ своею.

Тутъ панъ Андрей затиснуль руку въ кулакъ и досадною мимикою показаль, якъ порадилъ собѣ кумъ Онуфрѣй съ своею женою.

— Ты мене хочешь бити, ты опрышку! то за мои труди, за мое добре сердце, ты.... и прыскачила къ нему съ дуже неприятною гестикуляціею. Панъ Андрей видячи, що неприязвыи элементы съ чимъ разъ бблшою силою настають на него, цофался въ найбблшнмъ порядку т. е. тримаючи руки завсгды передъ собою, аж оперниши о муръ камяницѣй, пбзналь, бьдоляка, що дальша дорога отвороту заперта, и постановилъ опустивши руки здатися на ласку або неласку неприятеля.

— Ты менѣ будешь грозити кулаками? атаковаль неприятель чимъ разъ грозивъше.

— Нѣ! нѣ, — а гдежьбы я... звучали слабѣй отстрѣлы, що заповѣдали скору капитуляцію.

Андреева похватила мужа за рукавъ.

— Ходи до дому... А то годъ выдержати съ тымъ пьяницею! тблько по шинкахъ волочится!

— Алежь Каню, тажь то было тблько разъ — два, одинъ маленькѣй келишочокъ житнбвки, а потбмъ хотѣль чоловіккъ прочитати то обвѣшенъе, бо то дуже важне: магистратъ каже платити податокъ за псы; тожь треба подумати, що съ нашимъ пудлемъ робити, зъ него добрѣ бы были панучѣй для мене на зиму.

— Ага, я бы ты дала Джипса на панучѣй!

— То може на зарукавокъ для тебе, бо платити за него 2 зр. то справдѣ надъ мои силы...

— А горьвку пити и кумбвъ честовати, то не надъ твои силы!

— Та то тблько одинъ келишочокъ, ей Богу!

— А грубѣй господинъ зъ первого поверха жде на газету и на полицію треба пбйти довѣдатися про Коцубалинского, а бнѣ собѣ терие часъ съ кумами по шинкахъ!

Тутъ панъ Андрей пристауль и поставилъ палець на чоло.

— Ко.цу.балин.скѣй — выцѣдилъ поводи — Коцубалинскѣй! о бьда съ нимъ, бьда! Видашь, якъ то добре, що я съ кумомъ Войтѣхомъ здыбался!

Я коли зачуль, що о Коцубалинскбмъ бесѣдо, приблизилъ къ честному супружескому стаду.

— Здорови были, Андрею — привѣтствовалъ — чи не знаете, що съ Коцубалинскимъ дьеса?

— А! панъ Денись! уже повернули зъ дороги? И панъ сторожь ухилиль шапки.

— Но Коцубалинскѣй... Коцубалинскѣй...

— Ой, лихо съ нимъ, лихо! Но ходѣть до хаты!...

И посунуль панъ сторожь на передъ, а мы за нимъ: я съ зловѣщимъ предчувствѣемъ въ сердци, а Андреева росцѣквлена до найвысшой степени.

— А видишь, якъ то добре, що чоловіккъ учился читати, а еще лучше, що вступилъ до Мехля на келишочокъ тои учивои житнбвки. — Розпочаль Андрей розсѣвши выгбдно на стблци.

— А бодай ты пропаль съ своею житнбвкою! Що съ Коцубалинскимъ сталося? Перебила ему жена.

— Алежь пожди, Каню, тажь то одно съ другимъ въ звязи.

— То ты найшоль его може въ шинку, чи що?.. Говори бо уже разъ!

— Говори, говори, а тутъ не дае чоловікови прѣйти до слова. Отже, иду я собѣ супокбйно дорогою, аж тутъ прямо Василянского монастыря встрѣчае мя...

— Коцубалинскѣй! прибавила Андреева.

Сторожь махнуль рукою.

— Але где тамъ, кумъ Войтѣхъ!

— И оповѣдае тобѣ, що бачилъ Коцубалинского, но где и що?...

— Каню, Каню, яка ты нетерпелива — то страхъ; пожди, прѣйде черга и на пана Коцубалинского. Ба, не знаете еще, котрый то былъ Войтѣхъ — не той, що есть дверникомъ у Василянъ, той глухѣй, но костельный отъ св. Мартина...

— Добре, добре — щожь дальше?

— Но, мы привиталися и слово по словъ я запросилъ его на...

Тутъ змьшался панъ Андрей и спустилъ очи въ землю.

— Но, но, Каню — продолжалъ — не роби такъ великѣй очи — тото бнѣ мене запросилъ на келишочокъ житнбвки до Мехля!

Андреева аж тряслася зъ нетерпеливости и стояла якъ на грани; но сторожь вьдай завзялся на счетъ моего опькуна оправдати визиту свою у Мехля.

— Но! но! — прибавила сторожева — я знаю уже, що ты пьяница, и твбй кумъ Войтѣхъ, чи костельный, чи дверникъ, оба пьяницѣй...

— Табо ты такожь, Каню... То суть дуже честныи и тверезыи люде.

— Та кбнчи уже разъ!

— Выпили мы по келишечку — ббльше нѣ, ей Богу, и я казалъ подати...

Тутъ зновь затылся.

— Тото кумъ Войтъхъ казалъ все подавати — прибавилъ скоро.

— Мой Боже! той чоловікъ згубить мене зо свѣта! — и Андреева заломила руки.

— Алежь, Каню, Касечко, хвильку еще — а все розкажу. Мы закусили и кумъ Войтъхъ, такъ, такъ, кумъ Войтъхъ казалъ дати по гальбѣ пива.

— И чого еще, вычисли уже разъ, бо справдъ...

— Тамъ тобѣ, она мусить перебивати. При пивѣ побачилъ у мене кумъ Войтъхъ газету; а то бачишь ученый чоловікъ, уѣе читати, може лучше отъ мене...

Сторожева звернулася до мене...

— Мы бачу, пане Денись — сказала — не дочекаемся нынѣ кѣнца.

— Еще хвильку — отозвался Андрей — Огже коли кумъ Войтъхъ побачилъ у мене газету, каже: позвольте, куме Андрею, перечитаю где що, чоловічка кортитъ звати, що въ свѣтъ чувати.

— Ну, и щожь, и щожь?!

— Що, що? Мы вычитали про пана Коцубалинского.

— Но прецьнѣ — подумалъ я собѣ.

— Про Коцубалинского! — замѣтила скоро сторожева — Що съ нимъ сталося? чи повѣсилъ, чи застрѣлил?... Говори!

— Тутъ стоитъ написано. — При тыхъ словахъ вынялъ газету зъ пазухи и вручилъ ю менѣ.

— Перечитайте сами, пане Денись, бо я безъ окуляръ добре не довиджую: глядѣть тамъ межи вѣдомостями полиційными.

— Я розпростеръ газету. Строжева зависла взоромъ на моихъ устахъ а ей мужъ сидѣлъ собѣ супокѣино и накладалъ люльку. Окомъ перебѣгъ я колюмны газеты и натрафилъ вскорѣ на то, за чимъ глядѣлъ...

„Дня 29 с. м. (было то въ серпни) — читалъ я — „найшолъ полиційный жолнѣръ на жолкѣвской улицы чоловічка безъ житѣя. Нещастного отставлено до головной больницы, где при помочи лѣкарской отыскалъ притомнѣсть. Хорый раненъ тяжко въ голову и уплывъ крови ослабилъ до той степени и такъ скудный его животный силы, що не ма майже нѣякои надѣи исцѣленія. Назы ваеса якъ самъ вызналъ, Панталемонъ Коцубалинскій и былъ фаготистомъ при орхестрѣ театральнѣй.“

— Боже! Боже! — востхнула Андреева и рубцемъ фартушка обтерла собѣ очи, въ котрыхъ были, чи должнъ быти слезы — не придивлялся добре.

Ктожь представить собѣ, кто зрозумѣе, що со мною тогды дѣялося? Родича покрыла свѣжа могила,

а теперъ немилосердная судьба выдирае менѣ послѣдню подпору. Самъ одинъ остану, якъ самотна деревина на роздорожу, якъ корабель безъ кормила на бурливѣмъ мори житѣя... О бывають хвилѣ, где чоловікъ признати мусить, що тяжко жить на свѣтѣ!

Еще разъ перебѣгъ я очима нещастие письмо. Боже! сколько то содержания для гдѣкотрыхъ людей мѣститъ въ собѣ такой холоднокровный полиційный доносъ. Дата была зъ вчерашнѣго дня. — То состоявие его здоровья еще вчера было безнадежно, а до нынѣ мѣгъ онъ уже умерти, а може — може теперъ лежить на смертельной постели, а я тутъ дармо часъ трачу!...

Я взялъ за шапку и забирался до отходу.

— Куда? спросила Андреева обтираючи еще завсѣгды очи рубцемъ фартушка.

— На больницу.

— Пождѣть хвильку, и я съ вами пойду.

Но тая хвилька тревала, особенно для мене, трохи за долго. Звычайно, коли женщина куда выбирается, то мусить впередъ тутъ и тамъ заглянути, сюды и туды навѣтъ безъ цѣли покругитися, множество справъ и справокъ залагодити. Я нагилъ, но за каждый разъ мусѣлъ задоволитися отвѣтомъ:

— Заразъ, заразъ!

Наконецъ може по полугодичъ заявила Андреева, що готова ити съ мною. Я доволенъ схватилъ, уже за клямку, коли ей прійшло на гадку, що хату не можна оставити подъ опькою мужа, не давши ему впередъ инструкци, котрой онъ держатися повиненъ, если не хоче собѣ заслужити на неласку достойной половици.

— Ты сновидо, памятай — звучала та инструкция — занести газету на первый поверхъ, — чи чуешь?

Андрей потакнулъ головою на знакъ, що чуе и понимает.

— И подвѣрье позамѣтай, бо якъ прійде господаръ и побачитъ такой неурядки, то тебе, не потребе, нажене на сто вѣтрѣвъ!

— Добре, добре — отвѣтилъ сторожь пускаючи съ гомеричнымъ супокоемъ дымъ зъ фаянсовою люльки на коротенькомъ цыбушкѣ.

— А розложи огонь подъ кухнею и наставъ мясо. Я може забарюся...

— Ну... ну...

— Ходѣмъ уже, бо менѣ спышно, — нагилъ я отчиняючи двери.

— Иду уже, иду, — сказала Андреева, но таки стояла на мѣстци и розглядалась по хатѣ, якбы пригадовала собѣ, чи нестаетъ ей чого?

— А дивѣтся, былабымъ хустку отъ носа забыла.

И нуже глядѣти за хусткою—а я стою на порозѣ и дожидаю. Наконецъ найшлася хустка, и Андreeва забиралася къ отходу, коли еще на порозѣ остановилася.

— А памятай, уважай на хату!

— Ну, ну, иди уже!

— Не гнѣвайтесь, пане Денись — прибавила тотя трудолюбива женщина, звертаючися до мене— но видите сами, якъ менѣ тяжко зъ дому отдалитися. Онѣ только чекае, щобы я собѣ пошла и заразъ положится спати — бо онѣ пьяный.

— Га, то я самъ пойду — отвѣтилъ я.

— О нѣ! нѣ! и я пойду съ вами!...

А звертаючися еще разъ до сторожа, который супокѣйно зачиналъ уже собѣ дръмати потрясла его за плечи, що ажъ му люлька зъ губы выпала.

— Чуешь ты, піяку — закрывала ему надѣ ухомъ — якъ я поверну а ты будешь спати, то водою обблѣю, ей Богу...

— Алежь Каяю, Каяю — протестовалъ сторожъ — кто такія рѣчи робить? былабись мевѣ люльочку збила. Иди уже, видишь, пане Денись чекають на тебе, а ты...

— Ну, ну, иду уже, — но памятай же!

И тутъ погрезила ему пястукомъ.

Наконецъ мы пошли.

(Прод. слѣд.)

ПЕТРЪИ и ДОБОЩУКИ.

Повѣсть Джеджалиба въ трехъ частяхъ.

(Часть втора).

I. My house ist my castle!*)

Для чого властво старый, гордый воевода Шепетинскій вѣчно съ певнымъ самоудовольствіемъ повторялъ выше наведену англійску пословцю, — того никто запевно не зналъ. А треба было его видѣти въ ту хвилию, коли, окруженный хмарою вельможныхъ гостей (зъ котрыхъ многіи ледво держалъ на ногахъ и думали, що у нихъ вѣтраки на плечехъ замѣсть головъ, — такъ въ нихъ шумѣло и крутилося старе угорске вино) — треба, кажу, было видѣти старого Шепетинского въ такій хвили, коли обходилъ съ гостями свѣй новый замокъ, обширный, пося французской методы выбудованій господарскій забудованья, наполненій новомодными снарядами господарскими, котрѣ, здавалося, скорше были зробленіи на показъ, якъ до практичного ужитку, — коли показовалъ гостямъ сильный частокѣль и окованій брамы, — ровы и ставъ, що въ видѣ великанского полмѣсяця окружалъ замокъ отъ полудня, — коли обводилъ ихъ по густѣмъ, на полѣ природнѣмъ парку обтулюючѣмъ собою зъ полночной стороны ново вы-

будованый замокъ — треба было все то видѣти власными очима, абы представити собѣ, съ якимъ выразомъ лица повторялъ тогда панъ воевода: My house ist my castle!

А гостѣ чудовалися, дамы, одѣтѣ пося тогдашней моды только въ тоненькѣ, на полпрозрачнѣй газовой обслонѣ, ахали сентиментально стулюючи пишно тоненькѣ уста и и оглядаючи черезъ далевиды пречудну околицю. И все подивляли красоту будовы выконаной италіянскимъ майстромъ и чудне положенье межи лѣсомъ и водою, — и сильнѣй укрѣпленья, и искусно въ фантастичныхъ формахъ выдѣланій човны колышучійся на гладкѣй поверхности ставу, — и съ смакомъ поприбраній альтаны въ парку, — словомъ, — подивляли все, що далося подивляти, — хвалили все, — що далося хвалити. А хоть гдекотрый изъ старшихъ панѣвъ закинулъ: пощо было на теперѣшнѣй часѣ будовати такъ коштовнѣй укрѣпленія, — на що здасться въ нынѣшнихъ мирныхъ временахъ замокъ, на що ровы, зводженнѣй мѣсть и палисады? — то панъ воевода выпрямивши свою горду, високу стать и гордо лѣвою рукою показуючи на власну грудь, говорилъ съ самодовольнымъ усьмѣхомъ: My house ist my castle!

— А що, — хйба вы не видите високахъ цѣлей, котрѣ руководили мною при будовѣ сего замку?

Гостѣ молчали и кивали головами, — только дамы на боцѣ шелестѣли долгими, газовыми, легкими, якъ навутина, сукнями, гордо повертаючись одна передъ другою.

— Смотрѣтъ на тѣи синѣ горы въ отдали, — то брама, котрою часто входили Угры въ нашу краину! Туда недавними часами впалъ былъ Ракочій! Мѣй замокъ назначенъ на будучиность заперти имъ тую браму! Смотрѣтъ на тотѣ розлогѣ, широкѣй тарѣвнѣй поля отъ веходу и полночи! То шляхъ, котрымъ налѣтае губительна шаранча — Татарѣ на наше благословенне подгѣрье! Мѣй замокъ назначенъ стати запорою противъ заганамъ бисурманъ, стати охороною бѣднымъ людемъ, утѣкаючимъ съ своимъ добыткомъ передъ мечемъ и огнемъ невѣрныхъ!

Такъ говорилъ панъ воевода, а его стать, вѣкомъ къ земли нагнена, простовала и подносилася въ гору при тыхъ словахъ, — онѣ зновъ самодовольно усьмѣхался и гордо поглядѣлъ по гостяхъ.

А гостѣ въ додатку зачинали подивляти и высокѣй, патриотичнѣй цѣли властителя, — зачинали желати ему щастья, а роду его славы и долгого панованья!

Але на гадку о родѣ мутилася радѣсть воеводы, — онѣ пригадовалъ собѣ, що у него нѣтъ сына, що его славный родѣ, его имя съ нимъ выгасне, — и похилиалъ гордую голову зновъ въ долину, мовѣбы клонился передъ рукою гнетучою его судьбы. Бо и справдѣ судьба видко напосѣлася, щобы придавити

*) Мѣй дѣмъ — моя крѣпость.

тую крѣпкую, гордую голову! Сынъ его, цѣла надѣя отца, по роцѣ житья съ женою погибъ нагло на ловахъ, — а его молода жена скоро слѣдовала за нимъ. Осталася беззутѣшному дѣдови одна лишень маленька внучечка Мильця, на котру той однако, яко на женскую отрасль, не мѣгъ злити своен цѣлон любви. Жаль по стратѣ небавомъ уступилъ высокопарнымъ и славолюбивымъ думкамъ, уступилъ заходамъ при будовѣ замка, уступилъ тысячамъ мечтѣ и плянѣвъ, котрѣ роилися въ старѣй, гордѣй головѣ. Мильця тымчасомъ росла пѣдъ надзоромъ няньки и Французки Шарлотты, ей было пѣвчверта року въ тоту пору, коли отбываются происшествія, котрѣ тутъ оповѣмъ.

Але еще одно, а може и найважнѣйше забыли мы сказати нашимъ читателямъ, — а именно то, що то все дѣялося въ другѣй половинѣ бѣснадцятого столѣтъя, коли корону Польску носилъ Станиславъ Понятовскій, — а Польщею, — або властиво головами молодыхъ Ляхѣвъ и Ляшокъ почавши отъ короля владѣла прелестна Маркиза Louilly.

Было се одного прекрасного лѣтнѣго вечера въ Недѣлю. Отецъ Исидоръ, священникъ сосѣднѣго съ замкомъ села обходилъ, помахуючи грубою тростиною въ сръбнѣй оправѣ, свои широкѣ ланы красуючійся дозрѣвающимъ, въ хлопа заввысокимъ житомъ и зеленою въ веретѣнця идучою пшеницею. Удовольствие и легкѣй усмѣхъ бѣгали по лицѣ всечестного отца, — а легкѣй, вечернѣй вѣтрець игралъ въ ходѣ полами его долгого, чорного халата. Сръбна оправа лѣски блискала до западаючого сонця, а полне, кругле лице его набирало отъ вечернѣи червени на западнѣмъ небѣ еще бѣльше краски. О чѣмъ думалъ отецъ Исидоръ въ ту пору, — трудно угадати, — а може и не думалъ о ничѣмъ, — може се было только dolce far niente въ ходѣ!...

— Слава Иесуу Христу! озвался несподѣвано грубѣй голосъ за плечми отца Исидора. Онъ обернулся и отповѣлъ:

— Слава на вѣки!

Передъ нимъ стоялъ чоловікъ лѣтъ около тридцяти, съ молодымъ еще лицемъ а ростомъ перевышающей бѣльше якъ о голову високу и такъ стать отца Исидора. Въ чертахъ его лица кромѣ мужескои энергїи, добродушнаго и гордого заразомъ усмѣху, означаючого сознание его переваги надъ другими, не можъ было вычитати ніякихъ неприязныхъ намѣренїй.

— Всечестный отче, — перепрашаю, що такъ несподѣвано захожду вамъ дорогу, — але выбачьте, — у мене есть пыльне дѣло до васъ!

Отецъ Исидоръ уступилъ два кроки въ задъ щобы лѣпше оглянути незнаемого и пытаючимъ поглядомъ змѣрилъ его високу поставу.

— Сподѣваюсь, що вы, всечестный отче, знаете мене?

— Нѣ, — не знаю!

— А; если такъ, — сказалъ незнаемый съ жартобливымъ усмѣхомъ, то маю честь представитися вамъ, — Олекса Добошь!

Тѣи короткѣ слова дивно подѣйствовали на отца Исидора. Его здорове, червоне лице поблѣдло, колѣна задрожали, а рука судорожно стисла сръбну головку палицѣй.

— Отожь, — продолжалъ дальше Добошь, видимо задоволенный тою змѣною въ внутри отца, — дѣло мое, всечестнѣйшій, таке: Я житель лѣсѣвъ, — жию, якъ птиця небесна, котра нѣ оре нѣ сѣе, — но отъ кѣлькохъ дней съ товаришами своими дармо прошу Бога о хлѣбъ насущный. Прибѣгаю прото до вашего милосердїя и братолюбїя и сподѣваюсь, що ваша щедра рука накормитъ голодныхъ!

Самодовольный усмѣхъ щезъ зъ лица грозного бандита и уступилъ мѣстце иронїи и погордѣ. Онъ зналъ, що отецъ Исидоръ былъ дуже скупый и що тѣи слова набавили го немалого страху. И въ истѣ отецъ Исидоръ ажъ скорчился учувши тое и языкъ его безъ мысли вылепеталъ:

— Якъ то — якъ то? Объяснѣтся, — я васъ не зовсѣмъ понимаю!

— Проста рѣчь. Вы, всечестный, будете такѣ добрѣ днесъ въ вечеръ межи годиною осьминоу а десятою заставити у себе стѣлъ для мене и двадцяти моихъ молодцѣвъ, бо мы не маемъ где повечеряти! Прошу не дуже тамъ садитися на гостину, — мы прїйдемъ що нибудь, только щобы всего было досыть, — мои хлопцѣ голоднѣй! Бувайте здорови!

И капитанъ уклонившися и еще разъ иронично поглянувши на остолпѣлого зъ тревоги отца Исидора, отдалился скорыми кроками.

Панъ воевода Шепетинскій былъ того вечера въ дивно веселѣмъ розположенью духа. Гости власне порозѣздились и слуги прятали въ обширныхъ саялахъ. Воевода ходилъ повольно по своемъ кабинетѣ, що крокъ стаючи, роблячи рукою розличнѣ жесты и пишучи по воздуху якѣсь слова и цифры, — а часто навѣтъ и звукъ якихъ невыразныхъ слѣвъ вырвался изъ устъ его. Старе, угорске вино, котрого нынѣ не мало потекло, розгрѣло старую кровь и вправало его въ той веселый гуморъ, въ котрѣмъ онъ навѣтъ, що рѣдко бывало, тричи поцѣловалъ четверолѣтню, прекрасну внучку и заявилъ мадемоазель Шарлоттѣ свое удовольствие, що такъ старанно еѣ пыльне. Потѣмъ пѣшолъ въ свѣй кабинетъ и заперся въ немъ.

Не праця якась, вымагаюча спокою, была его цѣлю, — онъ ходилъ по кабинетѣ умеблеванѣмъ пышно и съ великимъ смакомъ, — а думки его губилися въ смѣлыхъ рахубахъ, въ тщеславныхъ плянахъ, въ будучности. И щожъ перепиняло ему зреализовати пляны, въ дѣло ввести намѣренїя? Его богатства были великѣй, — замку стѣны крыли огромнѣй

скарбы, — слуги его вѣрні, а подданыи въ кождомъ часѣ мусятъ приложить рукъ до работы, покинувши свои, хотябы и найпильнѣйшія занятія!

Въ томъ застукано громко до дверей кабинета и далее чути голосъ лакея, просячого о впущенье священника мѣсцевого, отца Исидора. Панъ Шепетинскій николи не поважавшій ани религіи, ани еи слугъ, не поважалъ въ особенности и отца Исидора, о которого скупости частыи ему доносились слухи. Онъ поглядаль на него всегда съ презрѣніемъ и не называль го иначе, якъ только рабомъ Божиимъ.

Отець Исидоръ, блѣдный, дрожацій, задыханный вѣйшоль до пышнаго, блестячого богацтвами кабинету.

— А що, рабе Божій, — яке ваше жаданье! Овь, що я бачу, — вы такій неспокойнїй, такій затурбованїй! Певно злодѣй — слуга украль вамъ безъ вашои вѣдомости изъ замкненого шпѣхлѣра кусникъ хлѣба? Або можете припадкомъ, — не допустити Боже, — згубили зъ десять реньскихъ? Якъ?

Тая иронична промова Шепетинского до решты замѣшала отца Исидора и збила го зъ пантелику.

— Нѣ, ваша ясневельможность, — пролепеталь онъ немовбы деревяннымъ языкомъ, — рѣчь десять разъ горьша!..

— Боже! крикнулъ съ комичнымъ патосъ воевода, — певно вамъ въ пивници пукли обручїи на боццѣ найстаршого вина! Годъ, — рабе божїй, — я не поражду, — що сыра матѣнка земля выпала, — того ей уже изъ горла не выдрешь!

Но отецъ Исидоръ, которого мовъ блискавка на ново прошибла гадка про страшныхъ опрышкѣвъ, отыскаль цѣлу свою притомность и дрожачимъ голосомъ розказаль наконецъ воеводѣ, въ чѣмъ дѣло.

Варто было видѣти пана Шепетинского въ той хвили, коли слухаль розказу отца Исидора. Его комичне патосъ розплылося, мовъ мгла отъ сильного вѣтру, — его губы стислися, — але очи заяснѣли радостїю.

— Собаки скаженї, — псы подлі! крикнулъ онъ, — и они смѣють туда волочитися подъ моимъ окомъ и еще людей напастовати!

Гей, — сейчасъ завтра велю поставити шибеницу надъ ставомъ, — заколишутся они на ней небавомъ разомъ съ своимъ ватажкомъ!

Хлопцї, — сюда! крикнулъ наконецъ воевода широко отворивши дверї, — бѣжѣть, — оружьтесь, — берѣть шнуры и арканы, — скорше, цапы, скорше!

Гурма слугъ, котра вбѣгла была на крикъ воеводы, и стала широко выбалушивши на него очи, — розбѣглася теперъ такъ само скоро не знаючи, о що рѣчь иде и до чою все тра робити.

— Отче Исидоръ, — спѣши домѣвъ, — ладуй вечерю, — гости ихъ, — я ихъ почастью виномъ зъ своеи пивницї!

— Алежь, — ваша ясневельможность, — я бѣднїй слуга Божїй, — ѳтки мене стане гостити двадцять такихъ лѣсовыхъ медведѣвъ?

— Не стане? Га, то якъ собѣ хочешъ, — най ты про мене и повѣсять, — най ти сыплють жару за холявы, якъ неодному изъ твоихъ кумпанѣвъ, кадибродѣвъ, — сли ти то такъ прїемно, про мене, — менѣ мало нужды до тебе.

— Але, — на милость Бога, — ваша ясневельможность, — не дайте марно пропадати чоловѣкови!

— Но, то роби, якъ ти кажу!

— Алежь..

— Ничъ „алежь“! Такъ муситъ быти, и сталося. Хиба не знаешъ, що на голову Олексы Добоша наложено тысячу червѣнцѣвъ? Скоро онъ въ моихъ рукахъ, надгорода належитъ до тебе! Иди и готуй вечерю!

Отець Исидоръ того лишь вѣдай и ждаль, — и урадованный поклонился воеводѣ до колѣнъ и поспѣшилъ въ село, числячи напередъ въ душѣ прекраснїй червонцї. А тїи червѣнцї, — то были, по просту сказавши грушки на вербѣ! Польске правительство, польскїй сенать, польска шляхта, коли що обѣцала, — то певно была только приманка, по котрой обѣцанки певно можъ было и не сподѣватися.

Але добре то кажуть старї люде: Скупому лишь правъ о грошехъ, а онъ щастливый! Такжежь было и съ рабомъ Божиимъ Исидоромъ.

А панъ Шепетинскїй ходиль дуже урадованный по широкихъ, пышно выстроеныхъ саялахъ и затираль руки зъ радости, що онъ власне буде той, кто нынѣ еще, справно и щастливо уловитъ славного опрышка, котрый отъ кѣлькохъ уже лѣтъ былъ пострахомъ околннчыхъ панѣвъ!

Вечеръ зблизился, — и панъ воевода рушилъ по тихенько, боками поза село, окруженный гурмою узброеныхъ слугъ до мешканья отца Исидора, чтобы тоежь обставити, вечеряючыхъ опрышкѣвъ нечаяно напасти и легкимъ коштомъ зловити. Мимовольно якось насунулося Шепетинскому на думку, що онъ дома не лишилъ достаточной сторожї кромѣ кѣлькохъ старыхъ слугъ, — але по хвили сказалъ:

— Эхъ, — и що тамъ може статися? My house ist my castle! Напередъ, хлопцї!

Вечеръ запаль уже и покрыль сивою, густою мглою широкї луги, черезъ котрї вела стежка. Въ дали синѣлся нѣмо густый лѣсъ подбѣрскїй, а зъ панского ставу голосно розносилося по воздухѣ рахкотанье жабъ. Векорѣ Шепетинскїй и его слуги щезли съ своимї цѣлями и думками середъ той великой, живои, чудесной природы.

Гей, дармо ты, пане воеводо, розставляешъ хитрою штукаю своихъ слугъ кругъ поповѣства, — дармо готовишь засѣдку на звѣря, — звѣрь въ ню не зайде.

Дармо ты, стара, горда голово, представляешь собѣ тѣв подякованья, котрѣ складають тобѣ гурмоу сусѣды пѣсля схваченья ославленого опрышка! Шкода твого заходу, щобы звабити его въ сѣть, — уважай тѣлько, щобы ты не впалъ въ его сѣть, щобы ты, хитрѣй, не далъ перехитритися!

Гей, дармо ты, отче Исидоръ, тѣшился и чи-слишь напередъ червѣнцѣ, котрѣ выплатить тобѣ лячкѣй рядъ за Добошеву голову! Шкода было заходу, рабе Божѣй, готовити таку сыту вечерю! Молодцѣ Добошеви где инде вечеряють, — тай гучно вечеряють!

Нѣмо и понуро стоить новый замокъ воево декѣй середъ подвѣйного вѣнца, — темного парку и синѣ-ючогосѣ, якъ великанскѣй пѣлмѣяць ставу. Лишь мѣстѣ зводженѣй висить въ задумѣ надъ глубокимъ замковымъ ровомъ, изъ баштъ выглядяють горла армать, а въ ставѣ полощутся золотѣ зѣрки небеснѣй, немѣвъ чудесницѣй — русалки, хотячѣй въ глубину воды заманити тѣв грубыи липы та плачучѣй березы, що, пообсѣдавши групамѣй берегъ ставу, всегда тоскно приглядаются собѣ въ его кристалльныхъ водахъ. Часомъ лишь плесне середъ тыхъ фаль весела рыба сѣрѣбнымъ крыльцемъ, а що разъ то ширшѣй обручѣй легенькихъ фаль розходятся плещучи о зеленый берегъ.

Тихо въ замку. Служницѣй и слуги въ обширнѣй кухни толпою обсѣли грубу, — ждуть на поворотъ пана, а часъ скорочують розмовами. Мала Мильця и мадемоазель Шарлотта спятъ въ своей комнатѣ, а нѣякѣй стукъ, нѣякѣй галасъ, котрѣйбы значиль, що вертае воевода, не перебивае ихъ сна. Въ кухни розмовы становляться щоразъ то живѣйшѣй, — дѣвчата и бабы, — пастухи-хлопаки и старѣй дѣды сторожѣй розказують про Добоша.

— Мусить то бити страшный чоловѣкъ! боязко прошептала Сенька, молода дѣвчинна.

— Иди, дурна, — отозвалса Климъ, старѣй дѣдъ сѣ долгими козацкими усами, — сѣмъ тридѣвокъ бысѣ постила, сѣмъ пятницѣй бысѣ поклоны бида, кобы тя такѣй чекурный молодець посваталъ!

— Агѣй на васѣ сѣ вашимъ сватаньемъ! Идѣтъ, — такѣйсте старѣй, — а ще вамъ небылицѣй зѣ головы не вывѣтрѣли! сердиласѣ Сенька почервѣвши отъ встыда.

Звѣсно, що дѣвчата дуже не люблять, якъ имъ кто третѣй згадае о сватанью и дуже за таку мову сердятся, — хоть сами, бачу, о ничѣмъ иншѣмъ и гадати дѣшше не люблять!

— То ты, Грицю, кажешь, що ты видѣлъ Добоша? запытала кухарка Параска невеличкого, плечистого хлопця.

— Овва, — сказала той зуховато, — а чомужьбымъ го не видѣлъ? Видѣлъ я его, — тай то не разъ у нашѣмъ дѣсѣ!

Въ тѣй хвили дивно щось забрязчало и заше-лепотѣло на замковѣмъ подвѣрью, — всѣ надставили уха, чи не дастся чути крикъ воеводы, — але ничъ не было чути. Вроджене нашому селянинови лѣнлив-ство не казало никотрому изъ нихъ выйти и поемо-трѣти, — що се такого, — они остали якъ были и слухали дальше мовы Гриця.

— А якжежь бнѣ выглядаль, тѣй страшный розбѣйникъ? спросила Сенька Гриця.

— А якже бы малъ выглядати? Такъ вы-глядае, якъ кождый крещеный чоловѣкъ!

Въ тѣй хвили зашаркало щось по дверехъ, — дался чути голоснѣй кроки, дверѣй отворилися, а въ нихъ показаласѣ висока стать Добоша.

— Добрый вечеръ! сказалъ бнѣ уклонившися. Чи такъ выглядаль, якъ я? додалъ сѣ усмѣхомъ, обертаючисѣ до Гриця.

Трудно описати переполохъ слугъ, коли узрѣли передъ собою такъ неспѣждано страшного бандита. Если бы былъ грѣмъ въ сей хвили удариль середъ хаты, — не быливбыся певно дужше перелякли. Зуховатый Гриць въ сейже секундѣ очутился въ най-темнѣйшѣмъ кутѣ пѣдъ тапчаномъ и рылея щоразъ тѣ глубше въ величенну купу тамъ нагромадженыхъ бетегѣвъ. Женщины скрикнула и задеревѣли на мѣст-ци, — тѣлько старѣй Климъ пѣрвалъ за сокиру.

— Дай спокѣй, старѣй дѣду, — рекъ сѣ усмѣ-хомъ до него Добошъ, — мы не прѣйшли вамъ тутъ нѣякого зла робити — тѣлько будь ласкавъ помочи повя-зати челядь, — а коли се, то покажешь намъ, где панска каса!

— Не дѣждешъ того, проклятый розбишако, скрикнула Климъ и пустился на него сѣ сокироу.

— Хлопцѣй, сюда! крикнулъ Добошъ, — и въ мигъ дверѣй пырели, а Климъ почувлея спохваченѣмъ въ крѣпкѣй руки. Его звязали и заткавши му ротъ вынесли на подвѣрьѣ, — а за нимъ и всю службу не винавши и Гриця, котрого ледви вырыли изъ бе-тегѣвъ. Одинъ здоровенный, страшный опрышокъ сталъ надъ ними на сторожи.

— Якъ ми котре писнете, то сейчасѣ му кулею лобъ розтрѣскаю, якъ гарбуза!

Бѣднѣй слуги, потревоженѣй и повязанѣй ани пары зѣ устѣ не смѣли пустити, — тѣлько Климъ пручался и кидался, — однакожь годъ му было освободитися и закричати.

Опрышки тымчасомъ бушовали по замку. Осѣ бачъ, — несутъ звязану, на пѣль сонну и на пѣль нагу мадемоазель Шарлотту и регочутся зѣ еи тре-велкѣй воги. Але що се надумалъ нового капитанъ? Вѣдай екарбъ крѣе пѣдъ полоу широкого, панского плаща, котрѣй накинулъ на плечи! Бережно бнѣ уноситъ той екарбъ, — наконецъ стае середъ по-двѣрьѣ и кричить:

— Хлопцѣй, — грошѣй есть?

— Есть, есть, ватажку! откликують змішані голоси із сніней,— и въ мигъ показуются опрышки двигаючи панску касу.

— А забрано, що слѣдує? пытає зновъ ватажка, котрый пѣдъ тымъ: „що слѣдує“ розумѣль дороговцѣнности и инші рѣчи, потребні тымъ хищникамъ.

— Забрано, забрано, — зновъ кричить кѣлька голосѣвъ, — и зновъ выходятъ изъ замку опрышки, двигаючи скриню, наповнену панскимъ добромъ.

— Напередъ вы, — добро до сховку, — подѣль завтра въ день!

Опрышки, — радостно шепчучи рушили въ путь, ватажка еще задержался, все еще не упускаючи зъ рукъ своей добычи.

— А не вывѣсити пану воеводѣ червону, хоругвь на замокъ? пыталъ съ дикимъ, но тихимъ усмѣхомъ опрышокъ, стоячий при повязаныхъ.

— Бѣгай!

Темнота нѣчна уже засѣла землю, — Добощъ выйшоль изъ подвѣрья и ухилиючи трохи полы плаща, щѣбъ придивитися своей добычѣ, сказалъ:

— Оттакъ, пане воеводо, — мы ажъ теперъ поквитовані! Прійшла бо уже пора! А якъ твоі сынъ проклятои памяти укралъ и зганьбилъ мою Олесю, — а якъ ты мене еще подыбавши въ лѣсѣ велѣлъ немилосердно катовати, а якъ ты знищилъ цѣле мое тихе щастье, цѣле мое житье, — ты певно не думалъ, що прійде и на мене черга отплатити тобѣ рѣвнымъ за рѣвне, вырвати послѣдній накоренокъ твоего роду, знищити все твои пляны и надѣи! А прецѣнь все то сталося, — внучка твоя ось тутъ въ моихъ рукахъ, — моя отплата небавомъ завѣе на пышній кровли твоего нового замку!

И бережно несучи обвиту въ полу, спячу Мильцю, зникъ опрышокъ въ темнотѣ нѣчної середь крутыхъ стежокъ, ведучихъ по панскѣмъ парку.

Небавомъ усмѣхнулася голосно темна нѣчь, — завстыдалися чорныи хмары на небѣ своей чорнявы и почервонѣли, а въ ставѣ пробудилися рыбки и плыли та плюскотали до рожевого свѣтла думаючи, що се всхѣдъ сонця.

А се горѣлъ гордый, новый замокъ воеводы.

Ой не втѣшно, та не радостно верталъ Шепетинскій изъ своего походу, — не въ ладѣ верталася его дружина, не на спочинокъ они вертали! Цѣле село заворушилося, — здвигъ народа зѣбрался кругъ пожарища, — а помежи народомъ пропыхалася иѣмий, блѣдый Шепетинскій. Нещастье до разу зломало его горду душу. Все, все, о чѣмъ мечталъ, о чѣмъ снилъ въ своихъ старыхъ дняхъ, до чого сильно прикипѣло его сердце, — теперъ розвѣвалося дымомъ, сѣдало въ попель съ пожаромъ. Его рѣдъ славный на немъ кѣнчилася, его будуча задача, боронити Пѣдгѣрье отъ наѣздникѣвъ, — никла такъ, якъ та поломѣнь въ глубинѣ темного небозвода, — все, все, — забрали му хищныи руки опрышкѣвъ.

Завели воеводу на нѣчь до села, бытъ самъ не здужалъ уже тамъ заволочыся. А на другій день ясно и погодно встало сонце, — але якъ зміненый всталъ Шепетинскій! Що? Якъ зміненый? И бытъ усмѣхался, добулъ зъ кешеніи жменю дукатѣвъ и игралъ ними, якъ дитина, бѣгалъ въ кругъ съ дикимъ реготомъ, то зновъ сѣдалъ, пѣдширалъ сиву голову на обѣ руки и дрожащимъ голосомъ заводилъ якусь дивну пѣсенку!...

Шепетинскій зѣйшоль зъ ума.

(Прод. слѣд.)

Отповѣдь на „второе письмо“ г. Украинца.

Закимъ приступимъ до розбора поодинокихъ замѣтѣвъ и мыслей, пѣднесеныхъ и розвиненыхъ г. Драгомановымъ въ его „вторѣмъ письмѣ“ (Ч. 5 „Друга“), слѣдує намъ предовсѣмъ сказати кѣлька слѣвъ о становиску, зъ якого г. критикъ розбирає литературну и соціальну дѣятельность Галичанъ (безъ рѣзниці партій) взагалѣ, а нашу (издат. „Друга“) вособенности.

Г. Д., стоячи — пѣсля его власныхъ слѣвъ — „въ сторѣнѣ отъ всѣхъ галицкихъ кружковъ и партій“ но зато середь украинскихъ, великорусскихъ и русскихъ або „россійскихъ“, мѣряє насъ не давнымъ нашимъ галицкимъ локтемъ (resp. метромъ) а своимъ, въ Россіи употребляемымъ аршиномъ, — не становится, якъ бы то критику слѣдовало, въ наше положенье, не выказує намъ зъ того становиска неконсеквентность поступованья и способу мысленья, не узглядняє всѣхъ нашихъ обстоятельствъ, котрыхъ впрѣчѣмъ, не жиючи въ Галичинѣ, не може и добре знати, а толькѣ о нихъ изъ печати дорозумѣватися, — противно, г. Др. помимо того, що дуже часто говоритъ абстрактно о передовыхъ европейскихъ, научныхъ, политическихъ и соціальныхъ идеяхъ, о европейскѣй образованности взагалѣ, — до котрыхъ чейже и мы маємъ претенсію, — не може на той точцѣ удержатися, а заговоривши о европейскихъ идеяхъ, сходитъ на то видоизмѣненіе, яке они приняли въ Россіи, — словомъ, г. Д. есть рѣдною, кровною дитиною элохи переворота, якій послѣдовалъ въ 60-хъ рокахъ середь „передовыхъ классовъ Общества“ въ Россіи, и судить насъ спеціально на пѣдставѣ результатовъ того переворота, такъ якъбы мы жили въ Россіи.

Такимъ чиномъ мѣрило, приняте г. Д.-вымъ въ его критицѣ, неможъ назвати отвѣтнымъ, объективнымъ. Треба бы було больше поставитися на грунтѣ европейскихъ идей абстрактно, а не на грунтѣ „россійскѣмъ“ а властиво „украинскѣмъ“, а доперва тогдѣ приноровити ихъ до Галичины, выказати недостатки, не забуваючи на свои власні слова, высказаніи кѣлька разъ въ статьи „Литература російска, великорусска, украинска и галицка“ (въ рѣчнику 1873-4 „Правды“), що „Галичане то такъ отмѣняютъ отъ украинцѣвъ и вел. Россѣвъ типы, що имъ конче треба въ своихъ обставинахъ политическихъ, соціально-культурныхъ и языковыхъ вести працю надъ народною освѣтою, про свѣй край, своими силами.“ Дятого скажемъ мы зъ своей стороны, подобно якъ г. Д. о собѣ каже, що кто изъ Галичанъ слѣдитъ отъ больше якъ 10 лѣтъ, за ходомъ литературы и дѣль соціальныхъ „передового общества“ въ Россіи, кто изъ Галичанъ мае бодай слабе понятіе о влияній критики Бѣлинского, Добролюбова и др., о розрушаючѣмъ скептицизмѣ Чаадаева и др., о нигилизмѣ 60-ти рокѣвъ, о западничествѣ, о тепе-

рѣшнѣмъ переважнѣмъ позитивизмъ и реализмъ литературы и тайнѣмъ т. з. социализмъ Общества въ Россіи, — той цѣлкомъ не задивуеся нѣ все опрѣждающими выводами „второго письма“, нѣ ѣдимъ, ироничнымъ способомъ писанья, нѣ пріемами критика, — все то рѣчи въ Россіи дуже давнѣи, хотя для Галичины може еще потрасающей, бо новѣи, но власне для того для ознакомленья Публики нашої потребнѣи.

Зъ своей „субъективной“ (що такъ скажемъ) точки зрѣнья, г. Д. въ выводахъ правъ; понявши украинщину яко представителя европейскыхъ идей, конче слѣдовало радити намъ яко лѣвъ на наше художоче туюжь украинщину (т. е. европейскіи идеи). Г. Д. такожъ правъ, если, порѣвнявши нашу литературу съ литературами въ Россіи (бо розличае ихъ тамъ ажъ три: „русску“ (общу), великорусску народну и украинску-народну) засужуе нашу безвзглядно на „ничтожность, узость“ и т. п. Подобно засудилъ бы передъ 20-ма роками (а може еще и теперь въ гдѣкотрыхъ отрасляхъ) англійскій або французскій критикъ всю литературу въ Россіи. Причина тому та, що г. Д. мало дуже уважлять вѣс трудности и перепоны, съ якими намъ приходится бороти на кождому шагу впередъ, якъ—недостатокъ капиталѣвъ, недостатокъ середнѣи кляссы, мѣщанства, того кардинального зарода добробыта и процвѣтанья другихъ европейскыхъ народѣвъ, недостатокъ писателей, а головно недолгій періодъ отъ пробужденья и степенъ образованья и кругъ дѣйства передовыхъ людей. Чи середъ тыхъ вѣсхъ обстоятельство могла иначе скластись наша литература, могло иначе проявитись житье соціально-культурне? Чудомъ былобъ, еслибъ въ головнѣмъ вышло иначе. Та впрочѣмъ, чи котрый другій народъ съ сорозмѣрными якъ мы силами, а навѣтъ народъ сильнѣи, въ политичну державу уорганизованный (якъ Франція або Россія), и его словеснѣсть такъ и доразу за такъ короткій часъ отъ пробужденья, о много бѣльше розвинулись? чи доразу кожда литература безъ промахѣвъ, безъ пустозвонства, та чи доразу вѣс тѣи прогрессивнѣи европейскіи идеи, выробленѣи революціею, такъ прямо и принялись у другихъ народѣвъ безъ подготовленнои къ тому землѣи, и скоро прозябли, а если и где (въ Франціи 1790 и въ Россіи въ 60-хъ рокахъ) за хутко принялись, чи не выродили хоробливнѣи, встрясающей станъ, о много може шкодлившій для организма того общества, чимъ давнѣи ладъ, бо выкликующей пѣзнѣи сильнѣишу реакцію?

И чи справдѣ все, що у насъ отъ 30-и лѣтъ здѣлано якъ „старою“ такъ и „молодою“ партіями (г. Д. относить свои слова до обѣихъ), таке ничтожне, мизерне, и антинародне, що нема и одной здоровой гадки и одной европейской идеи въ цѣлѣмъ томъ періодѣ?

Побачимъ, коли розберемъ „вторе письмо“ съ взглядомъ на давнѣиши статьи г. Д-ова въ „Вѣст. Евр.“ и въ „Правдѣ“, — побачимъ, що г. Д. ставитъ для насъ нового, коли все давне опрокидае, чи не выйде може цѣльмъ судъ г. Д-ова на „негацію всего давного, а непоставленье ничего нового.“

Може быти, Вы, г. Д., за ту нашу оборону „давного“, готовѣи палынути намъ опять мораль за молодую Японію, но мы хочемъ напередъ заощадити Вамъ труда и скажемъ, що зрозумѣвши насъ добре, поймете, що мы, щиро и радо принимаючи всякіи прогрессивныи идеи, читаемъ и старе и хочемъ на основанью старого, поводи, органично, „естественнымъ подборомъ“ выробляти нове. Nulla saltus in natura!

Но приступѣмъ до самого „письма“, що въ немъ позитивного?

Во вступѣ сердитесь, г. Украинецъ, на нашу неприличность въ литературнѣмъ спорѣ, на нашу нечестность, но забываете, що въ першѣмъ Вашѣмъ письмѣ Вы самѣи ужили слова „недѣпости“, та чи поступаете такъ въ „вторѣмъ

письмѣ“ приличнѣише и честнѣише, послугуючись такими выходками, якъ „идиллически — церковное пристрастие“, „краснословная сентенция“, „не понимает самого себя“, „сколько нибудь учеными“, „одописное пустозвонство“, „безобразие“, „дѣтски-наивныи“, та намеками на „семинарку гниль“ и на то, яко бы „Другъ“ судилъ о Вашѣмъ трудѣ (Истор. пѣсни), имѣющемъ историческую цѣль только на основаніи опечатокъ!*)

Судъ въ томъ дѣлѣ оставляемъ такожъ другимъ.

Тутъ только еще то поднесемъ, що пишучи въ отповѣди зъ дня 15. Юня 1875 слово „Дурницѣи“, мы не относили его до г. Украинца, а до гдѣкотрыхъ уступѣвъ статьи М. Т-ова, незнаемого намъ еще тогдѣ автора статьи Вѣст. Евр. „Литературное движение въ Галиціи“; — мы и не вѣрили въ идентичность г. „Украинца“ съ „М. Т-овымъ“ до послѣднѣи хвилѣи, пока не получили въ вторѣмъ письмѣ прямого признанья г. Украинца до авторства „Движенія“. Но и теперь, коли уже и шеломи открытъ, скажемъ въ друге, що богато фактѣвъ, въ той статьѣ наведенныхъ (якъ на пр. даннѣи що до числа членѣвъ „Академ. Кружка“, що до польской бесѣды ними употребляемой, що до выключенья „молодой партіи“ изъ „Рады русской“ и т. п.) хибно поданѣи, неправдивѣи, а другіи — рѣчи дуже малозначнѣи (якъ прибавка „Кр.“ „Др.“ „проф.“), такъ що мы, огорченѣи неправдивостью фактѣвъ, сказали небылицѣи, дурницѣи. Вы, г. Д., зле, односторонно поинформовались, а може умысене односторонно представили нашѣи дѣла, бо выхвалили подъ небеса въ тойже статьѣ „Вѣст. Евр.“ только нашу т. з. украинску партію, приписуючи ей всякіи поступовыи идеи, демократизмъ, народовство, называючи галицке украинфильство „первымъ и до сихъ поръ самымъ сильнымъ проявленіемъ нравственной связи съ Россіей“, и усмотрючи въ си идеяхъ „тотъ путь, какимъ должна идти пропаганда идей о нравственной солидарности русскихъ племенъ, для того, чтобъ принести пользу народу этихъ племенъ“, а изъ „старой“ партіи признали только о. Наумовичу энергію и талантъ, но не корысть для народа. А того самого еще року, Вы ударили на ту самую выхвалену Вами перше партію украинску въ статьѣ „Литература руссѣиска, великорусска, украинска и галицка“ (въ „Правдѣ“) за недостатокъ у неѣи власне того, що Вы въ „Движенію“ видѣли у неѣи за наилучше свойство; Вы закидаете въ „Правдѣ“ нашимъ „украинцамъ“ узость понятій, погляды а la Духинского теорія, отсутствіе народныхъ, европейскыхъ сюжетѣвъ; теперьже, по 2 лѣтахъ признаете въ „вторѣмъ письмѣ“, що изъ изданій „Просвѣты“ только одно о „Лихѣи“ добре, коли тымъ часомъ, во всей дѣятельности г. Наумовича..... реально полезны его работы объ удлученіи хозяйства наро-

*) После появления первого тома „Ист. пѣсень“, сказали мы въ ч. 13 „Др.“ зъ 1874, представивши плянъ издателей, що „трудъ великій и утяжливый, но издателями совѣстно и удачно предпринятый, якъ то показуе 1-ый томъ“. Того для г. Д. мало, то судили мы зъ опечатокъ! — Пѣзнѣише въ ч. 10 зъ 1875 звернули мы увагу такожъ на языкову сторону, всказуючи на затирание галицкого характера пѣсень и натяганье на украинскій (полтавскій) идиомъ. Г. издатель въ предисловію до 2-го тома самѣи признали намъ правду, но извинялись тымъ, що „Галичане маскируютъ звуки до возможности восстановить послѣдовательно ихъ характеръ“ и поднесли ту гадку, що слѣдовалобъ еще занятись сборникомъ пѣсень въ чисто лингвист. цѣляхъ. А мы, подавши въ ч. 17 зъ 1875, коротко содержание предисловія (короткость именно та пошкодоила намъ о стѣлько, що выйшла, после суда г. Д-ова, инаша мысль о пѣсняхъ о Хмельницкѣмъ и д. р., а г. Д. приписуе въ честный способъ вину незнанью языка!) навели вѣдѣищи тое признание издателей и сказали, що причина, подала нимъ еще ихъ не извиняе, коли печатали иначе якъ въ Галиц. сборникахъ, гадку же изданія въ лингвист. цѣляхъ приняи мы дуже радо. Чижъ зъ того слѣдуе, що мы судимъ только зъ опечатокъ, где сами г. издатель признались въ вину?

дною“ — значить признаете, що таке трудъ о. Н. больше для народа пожиточный, ніжъ „Просвѣты“ и „молодой“ чи „украинской“ партіи.

Може быти, що то Ваше внутренне переконанье вышло на верхъ зъ пѣды пера, мимо волі его проявити, но переконаньемъ то таки мусить быти Вашимъ, если Вы только добросовѣстно и широко написали въ „Вѣст. Евр.“ (томъ V стр. 244), що „разногласіе между обѣими партіями русскими происходить очень часто тоже изъ за слишкомъ высокихъ политиканскихъ матерій, или слишкомъ отдаленныхъ, какъ на пр., одинакова ли Русь галицкая съ московскою, или изъ-за слишкомъ формальныхъ, какъ, на пр., правописаніе а то изъ за личностей. Оставивши хоть на время всякую фязу на конѣ высокой политики, отложивши до болѣе удобныхъ временъ политическій синтезъ, а сосредоточивши вниманіе на работѣ, такъ сказать, аналитической, русские патріоты могли бы дѣйствовать гораздо согласнѣе, и потому гораздо плодотворнѣе чѣмъ до сихъ поръ“.

Правда. Вы г. Д., пишучи въ 1873 тѣи слова, не веказали ничего нового, Вы, можна сказать, сконстатовали фактъ начатой уже давнѣйше о. Наумовичемъ такой аналитической работы, но Вы могли познѣй еще перевѣдчитись, що дѣйстно только одинъ о. Н. у насъ пересталъ ѣздити на конѣ политики, а до „украинской“ партіи треба было еще такого сѣчаного посланія, якъ Ваша статья „Литературы“ въ Правдѣ, щобъ отямилась, усунула зъ первого плана отрубѣсть 15-миліону, — що и справдѣ Вамъ повелось, бо за два послѣдніи лѣта погляды у неї значно змѣнились. Мало того, Вы уважали за потребне еще и до „старой“ партіи, а що найменше до молодыхъ ея приклонниковъ т. е. до насъ щось отбзватись. Въ тѣй цѣли написано первое письмо. Мы отповѣли, но Вы не поняли насъ, и закинули намъ въ „второмъ письмѣ“ много такого, що только тяжкимъ грѣхомъ противъ народа слѣдуетъ назвати.

Може теперь выкажемся яснѣйше, но закимъ до того прійдемъ, хочемъ отповѣсти на инші замѣты и суды въ такомъ порядку, якъ они у Васъ угрупованіи.

Оудивши всю нашу популярну литературу въ кѣлькахъ словахъ на „весьма условну пользу, а то и прямо вредъ“, яку намъ веказуете дорогу? Кажете намъ не говорити народу, що бнъ пьяница. лѣнхухъ, а думати надъ причинами, для чого бнъ пье и чимъ ему корчму замѣнити. Хорошо! Но подумайте самі, що поможе намъ и народу если мы и дойдѣмъ всѣхъ причинъ пьянства, та не въ силѣ ихъ всѣхъ усунути, если мы на пр. нынѣ жидови не можемъ заборонити ходити по хатамъ съ горѣвкою? Задачею популярной литературы есть усуненье невѣжества, подаванье науки, на то и закладываютъ читальни громадскіи, единственне средство, могуче замѣнити корчму, но оно по Вашимъ словамъ — только формальна польза: щожъ остае больше, якъ не то, що каждый, кто чуе въ собѣ хоть троха патріотизму (т. е. именно любви до народа) буде старатися поученьемъ, пр. дставленьемъ злыхъ послѣдствій, отвернути народъ отъ пьянства, буде старатися морально его о столько укрьпити, чтобы бнъ мѣгъ устояти противъ покусъ жидовскихъ и т. п., буде старатися наклонити до ошадности, до трудолюбія и то рационального трудолюбія.

Вы называете то все „кисло-сладкими моральными сентенціями“, покровительски (очевиста, щобъ заслужитися на имя демократа) протестуете противъ называнья пьяница и лѣнхухѣвъ — пьяницами, и лѣнхухами и ловкимъ зворотомъ хочете вывинутися въ той способъ, що „намъ литераторамъ, чиновникамъ и священникамъ, которые пролеживаютъ больше времени“ не годится такъ называть народъ, — но пытаемъ по перше, чи зъ шляхоцкого задивлюванья называемъ мы такъ цѣдый народъ, чи только тыхъ, котрі

на то заслужуютъ, по друге, чи пишучи для народа, и видячи головнымъ у него грѣхомъ лѣнхухетво и пьянство не слѣдуетъ на тѣи пороки ударити, а въ концѣ чинж консквенція, що если литераторы чиновники и священники пролеживаютъ больше времени, не слѣдуетъ сказати въ популярномъ изданію до народа: „труднесь, не лѣнхухся“?

Правда, не все, що у насъ написано и о. Наумовичемъ и „Просвѣтою“ и загаль въ популярной литературѣ, безвзглядно добре, — мы и не беремъ всего боронити, но не можемъ никакъ пристати на такой пессимистичный поглядъ, якъ Вашъ. Кобы ино у насъ больше было такихъ проповѣдниковъ тыхъ „кисло-сладкихъ сентенцій“ кобы ино тѣи проповѣдники зъ щирого сердца брались до дѣла, а не только для славы „патріота“ або просто „зъ моды“, кобы то меньше было оголошенъ въ газетахъ о закладанью тамъ а тѣмъ заходомъ Н. Н. и читальни и общества тверезости и громадского ссыпа збѣжа, а за то больше того всего въ дѣйствительности, — то мы бы скоро поднялись и съ кисло-сладкими сентенціями и при недостатку всякихъ, якъ Вы удержуете, спопуляризованныхъ европейскихъ идей, научныхъ соціальныхъ и политическихъ; — тому послѣднѣму мы впрочемъ заперечуемъ. Стоитъ взглянути на той поступъ, якій проявляеся въ послѣднихъ 20-и лѣтахъ середъ народа нашего, котрому предѣль „сказочки и чудотворныя легенды“ не могли помочи, а переконаньемъ, що здѣлала то только якась реально корысна, здорова гадка, чи по Вашому, европейска идея.

Во виду всего того, вами въ вступѣ письма сказаного, приходимъ до того остаточного заключенья, що Вы, высмѣявши цѣлу дѣятельность Галичанъ на поли народного просвѣщенья, не веказали ничего спасительного на будущность, не веказали дороги, а только кинули при концѣ письма фразу о удаленью отъ народа невѣжества, безправія и эксплуатаціи — до чого мы самі стремимо — но не подали головно т. е. способу, якъ то все зрѣбити въ практицѣ, якъ найскорше въ житѣ ввести...

Що до „ничтожника“ Качковского, отповѣли мы по части въ вступной статьи ч. 2-го. Тутъ еще додамо только то, що такими „ничтожниками“, якъ нашъ незабвенной памяти Михайлъ, не такъ легко повеличаеся прочая Русь въ загаль а Ваша Украина вособенности. Хотя Качковский не засвѣтилъ народу проводною идеею, не потянулъ его могучою силою генія, но бнъ посвятилъ всю свою жизнь народному дѣлу, развитью своей народности, теплымъ сердцемъ принималъ каждый проявъ на народной нивѣ, щедрою рукою вспомагалъ каждый навѣтъ незначный подвигъ литературы, сердечно пригорталъ къ собѣ молодежь, а въ концѣ весь результатъ своего труда завѣщалъ народу.

Отже мы не „совѣтника“, а идею всецѣлого посвященьяся народному дѣлу почитаемъ въ покойнику.

Такъ само, почитаючи и другихъ старшихъ нашихъ труженниковъ, мы не робимъ ихъ святыми, но шануемъ ихъ заслуги, ихъ добру волю. А кто знае, що больше захохочу до дѣла: чи скептическая критика, чи признанье, хотя бы „сомнительной“ заслуги?

Обертаячись до слѣдующого уступу письма, о вліянью литературы одной на другую, можемъ только запевнити г. Д-ова, що мы совсѣмъ згодни въ томъ съ его поглядами. Мы были той самой гадки и тогда, коли писали першу отповѣдь, бо черезъ вліянне литературы одной на другую розумѣемъ мы такой мимовольный вплывъ якъ то г. Д. веказалъ примѣрами, такой вплывъ, якъ Максимовича, Шевченка та Костомарова на насъ, но не злобий, неправдивы статьи якъ та въ „Вѣст. Евр.“ въ гдетотрыхъ своихъ уступахъ. И Вашъ

судь г. Д. почитаемъ мы высоко, если онъ только опертый на фактахъ, Вашу вяжу раду и пріймаемъ мы охотно если только она намъ пожиточною выдстся.

(Кон. слѣд.)

ЛИТЕРАТУРНІ ВѢСТИ и КРИТИКА.

— (+) Перше Мізерѳвна, потѳмъ Гараздѳвна, оповѳдане для руского народа, написавъ Сирота, накладомъ автора.

Съ правдивою роскошію читали мы тоту невеличку, но дуже цѳнну книжочку Сироты, що недавно появилася на свѳтѳ въ печатни имени Шевченка. Книжочка та, писана гарнымъ, легкимъ складомъ и чистымъ народнымъ языкомъ, есть дуже пожаданымъ и цѳннымъ збогаченьемъ нашої популярной литературы, котра до теперъ не годна ще выказатися значительнымъ числомъ книжокъ, занимающихся популяризowaniem наукъ и иныхъ реальныхъ вѳдомостей, а выложеныхъ въ занимательной, приступной формѳ. Розказы про силы природы въ двохъ частяхъ, выданй Просвѳтою могутъ въ тѳмъ взглядѳ служить за образецъ.

Содержанье книжочки г. Сироты ось яке: Село Мізерѳвка подъупадае черезъ пиянство и жидѳвеку лихву до той степени, що грунта и газдѳвства прудко переходять въ жидѳвскы руки Роскащикъ, родженый тамъ при смерти ѳтца, не получае ничего кромѳ наказу ити въ свѳтъ, на хлѳбъ зарабатяи. Онъ пускаеся въ свѳтъ и заходить до Праги чешской, где стае на роботу у одного фабриканта — ковалья. Тамъ учится читати и писати, — стаеся челядникомъ и въ ремесницкѳмъ „сполку“, запѳзнаеся съ однимъ Русинѳмъ — адвокатѳмъ, котрого изъ Львова выслала Просвѳта, щобъ розглядаль порядки въ „сполку“, щобъ заводити такыя въ русескихъ товариствахъ. При тѳй способности авторъ коротко, но основно говорить о корысти такихъ товариствъ для всеѳльной помочи. Адвокатъ той поучае роскащика, що онъ Русинъ и выкладае му коротенько важнѳйшыя факты русеской истории. Роскащикъ вертае до рѳдного краю, въ ширѳмъ намѳренію, учити и пѳдносити людей въ своемъ селѳ Мізерѳвцѳ. Въ Львовѳ, въ Просвѳтѳ купуе достатокъ книжокъ и їде до своего села. Уже пѳзналь рѳдну околицю, рѳчку и лѳсокъ, но въ тѳмъ що за диво! мѳсто написи Мізерѳвка стрѳчае край села написи Гараздѳвка! Шукае корчмы, — а находить на ей мѳстци громадску читальню. Тамъ пѳзнае своего брата Николу, иде съ нимъ до его дому, и зъ диву му не може зѳйти, що за змѳны поробилися въ селѳ за тыхъ 20 лѳтъ, отколи его не было. Братъ оповѳдае му, якимъ способомъ то сталося, — а то оповѳданье, то гарный доказъ, куда може завести щира охота и праця, руководима наукою. Одно только зле, що авторъ, може для короткости статьи, не бере взгляду на тысячный, маленькй трудности, съ котрыми муситъ боротися у насъ всякй, кто хоче ввести въ житея якусь новацію на корысть культуры и просвѳты. Думаемъ, що не досытъ сказати: той а той поживилъ громадѳ 200, — другй 300, третй 500 зол. — панъ далъ за дармо грунтъ, будынокъ, дрова, — або що тамъ, — и такъ стала читальня, сталъ шпѳхлѳръ, стала каса пожичкова. — А, ба, — скаже першй лѳпшй селянинъ, слушаючи такого розказу — добре то тамъ было, но где намъ, бѳдолахамъ, на таке стягнутися. Найлѳпше буде, если представлятися буде нашому народу такихъ людей, котры изъ ничего власными силами доробилися маетку, — представляти ему дробныя, муравельныя забѳги о крайцарѳ, о кусникъ хлѳба, представляти ему, якъ середѳ щастья и гаразду приходить нещастье, знищенье и руина, изъ котрой только сила воли, праця и ошаднѳсть чоловѳка выдвигает. Думаемъ, що того совѳмъ не досытъ повторяти народу въ повѳсткахъ слова: праця ошаднѳсть, наука, — но треба нагляднымъ

способѳмъ на картинахъ зъ дѳйстного житея знятыхъ, показати ему крокъ за крокомъ, день за днемъ. якъ то треба працювати, якъ падити, якъ учитися. Видячи ѳтъ разу великыя результаты долгодѳтнихъ трудовъ, нашъ селянинъ вжѳхнеся и скаже: не моя сила! Но коли побачить, що до той на видѳ далекой цѳли не треба ити такими великанскими кроками, но треба мати лишъ вытравалѳсть и здоровый разумъ, то охочо и самъ пѳдоймесь труда, — и тогда кожде слово науки, котресе ему подасть, буде зерномъ на плѳдной рѳли и не пѳде въ затрату.

— ДРУГЪ НАРОДА, журналъ церковный, литературный и политическй, двухнедѳльное издание.

Ось и правду мы писали въ одномъ изъ попереднихъ чиселъ „Друга“, що сего року начинаеся у насъ живѳйшй рухъ на поли литературы. Съ новымъ рокомъ розширилъ „Рускй Сіонъ“ свою програму на политичну газету; — а минушого мѳсяца здѳлать намъ подобну пріятну неспѳдванку и г. Иванъ Ем. Левицкй, знакомый и ширшй публицѳ своєю дѳятельностью яко секретаръ общества им Качковского, зачавши выдавати во Львовѳ „Друга народа“.

Програма, выписана въ вступной статье Н. 1-го, широка, — за широка. Пѳсля неи судячи, можнабъ думать, що г. Л. пѳдняеся труда, пополнати недостатки в сѳхъ галицкихъ газетъ (кромѳ „Ластѳвки“), зачавши ѳтъ „Слова“ а скѳнчивши на „Русескй Радѳ“.

О скѳлько то поведется, не можемъ напередъ судити, однакъ радилибъмы г. Л., если намѳряе дѳйстно выконувати гадку о. Наумовича, т. е. хоче писати для народа, чтобы писалъ на правду на языкѳ, якй якъ самъ каже „встрѳчаемъ въ живѳмъ видѳ въ галицкой провинци“, а не соображался за часто съ обще-русескимъ языкомъ чи есть до того потреба чи нема. Такъ и. пр. що подумае нашъ селянинъ о словѳ „пожалуй“ въ ступной статье? кого ему жалувати, та за що? чи то таке отвлечене або техничне понятіе, (бо только въ такихъ случаяхъ буде г. Л. сообразатися съ общерус.) що ажъ треба послугуватися „пожалуй-емъ.“ Що до церковного ѳдѳлення, то мы, свѳтескыя люди, такы совѳмъ не беремся судити. Може оно и добре, а може и лучше, чимъ „Сіонъ“, выдаваный духовными. Богъ его тамъ знае. Но на всякъ случай широко витаемъ „Друга Народа“ и желаемъ пріуспѳванья.

(Ч)

— Мы получили изъ Вѳдня 13/3 1876 слѳдующу корреспонденцію:

„Честна редакціе! Пробуваючи въ центрѳ галицкой Руси маете и наилучшу способность съ производами такъ зваными дневными русеского письменства познакомитися и на улучшение тыхже Вашимъ впливомъ дѳйствовати, такъ якъ мы ту въ чужинѳ только зъ далека и недокладно слѳдити можемъ. Дятого булѳбъ совѳмъ на часѳ и выпадалѳбъ уже, чтобыте Вашу увагу на книжочки подобного рода, якъ: Ро здѳленое е сердце. Войновича переводъ, Колотмыя, накладомъ Бѳлоуса, звернули и Вашего великого впливу на тое ужили, чтобы Бѳлоусъ хотяи, друкуючи, бѳльше на смакъ и потребы правдивй гымъ, для котрыхъ друкуе, уважавъ и не пускавъ межъ народъ и молодежь бѳльше подобныхъ нисейитницъ та дурницъ, якъ тамтой переводъ якогѳ тамъ Войновича, въ котрого книжочѳ, толкованѳй зъ нѳмецкого, кромѳ нѳякой вартости, майже только блудѳвъ языковыхъ, орфографичныхъ и т. д., кѳлько словѳ въ книжцѳ! Аджежь выданья науковй Наумовича и Просвѳты не только що таншй стосункови, але и о много лучшей ѳты такого смѳтъя литературного, якъ тѳи Бѳлоуса, сказавѳбымъ намѳлеты, котрыхъ якъ знается бѳльше ще буде: бо згадана книжочка носитъ на собѳ число порядковѳ. Еслижь Бѳлоусъ хоче конечно народъ эксплуатувати и шпекуловати, то нехай хотяи такы

книжочки выдае, котрій потребамъ его читателей хоть въ части отвѣждаютъ. Чи выданья Бѣлоуса маюте може идеалами для Галичины бути? Съ почтеніемъ: Иванъ Подкова. — Оригиналъ письма находится въ актахъ редакціи „Друга“

Новинки.

— **Аматорскє представлєньє**, устроєне нашимъ Обществомъ 9 (21) с. м., не совсѣмъ повелосє. Трудности устроєнья были за великій а наша, блиставша отсутствіємъ львѣвска П. Т. публика за рѣвнодушна, щобъ результатъ мѣгъ выпаста свѣтлымъ.

Предо всѣмъ поднести належитъ то обстоятельство, що пошт. Дирекція польскаго театра отказалась навѣгъ за гроши выжичити костюмѣвъ до историчной драмы „Три князй на одинъ престолъ“, що для того треба было ѣздити до Золочева до Бл. д-цій Романовичъ, котра охотно отдала въ распорядимѣсть свои, хотя до той драмы не конче отвѣтнй костюмы, а котрой и за добру волю всенародно и щиро складаемъ наше: Спаси-бо.

Игра аматорѣвъ и аматорѣвъ, особенно въ „Лькаряхъ по неволи“ выпала удачно; зато въ второй штудъ видно было знеохочєньє играющихъ. вѣдай по поводу малочисленности зрѣтелей, — що именно и накладяло ихъ до пропущєнья многихъ уступѣвъ „Хоръ воиновъ“ въ 1-ѣмъ дѣйствию, (музыка г. Матюка) представился хорошо. Що самой драмы, то далобєя еи молодому автору закинути е. идеїи похибы и невыкѣченность, особенно же мало дѣйствія.

Вѣбнци уважаемъ собѣ за прїятный долгъ, подяковати бл. д-ціямъ аматоркамъ, не щадившимъ часу и працй, за ихъ щирый трудъ около представлєнья.

— Не конче удачно выпалъ и **декламаторско-музычный вечеръ**, устроєный дня 11 (и. с.) марта въ сали ратушевѣй „Просвѣтою“ и Товариствомъ им. Шевченка, въ 15 ти роковины смерти Т. Шевченка. Програма была слѣдующа: 1) **Вступна рѣчь** г. Вл. Барвинского 2) **Маршъ милитарный**, Фр. Шуберта, отѣграли на фортепьянѣ Оля и Денись, дѣти г. Леонтовича 3) **Ой сама я одна**, слова Шевченка, музыка М. Лисенка, степѣвалъ г. Цетвинскій 4) **Тарасъ Шевченко**, симфонія лирична — декламация автора, г. Франка. 5) **Дуэтъ Кампанна** — отѣспѣвали д-цій Г. и Л. Любовичй. 6) **Квартетъ** Ив. Лавровского — отѣспѣвали гг. Цетвинскій, Лукєъ, Вахнянинъ и Прогаска 7) **Тяжко-важно въ свѣтѣ жити** слова Шевченка, музыка и спѣвъ г. Н. Вахнянина. 8) **Заповѣтъ** Шевченка, музыка Мих. Вербицкого, октетъ вокальный въ сопровождѣ секстета инструментального. — Програму выконано якъ найточѣйше, и гдетотрй кусники (якъ 2, 5, 8) къ задоволенью численно обравшихся слушателей; но характеръ переважний вечера оказуваля вялымъ. Може быти, що вялость ту споводовала предолга (цѣлу годину треваюча) промова г. Вл. Барвинского, который силоваля коротко представити цѣлу исторію Малой Руси, еи литературы и розвитокъ идеи теперѣшнєй украинщины. „Мы не хочемъ князѣвъ“, говорилъ бесѣдникъ, „не хочемъ ий козацкихъ старшинъ ий поворота козацкихъ часѣвъ, — мы хочемъ трудитисъ коло движєнья опущєного, всѣми експлоатованого народа.“ Тутъ слѣдовалъ цѣкавый уступъ: Критика галицкой литературы, котру бесѣдникъ тоже строго засудилъ — на „ничтожность“. — Все то хорошо, но повтаремъ, на такой декламаторско музыкальный вечеръ, навѣтъ для людей, якъ наибѣльше интересующихся

такими рѣчами, за долго При кѣнци вечерѣвъ оживился удачно выконанымъ октетомъ. Телеграмъ прїйшло до 20.

— После тримѣсячного отпочинку, началось рухати **Общество им. Качковского**, перенесєне, якъ читателямъ извѣстно, изъ Коломыи до Львова. Новый выдѣлъ не мѣгъ скорше уконстатуоватисъ и начати свою дѣятельность, поки не зѣстали затвержденй статуты, змѣненй послѣ рѣшенй послѣдного Сбора. Понеже 30 день минуло, отъ коли подано статуты до ц. к. Намѣстничества, а не прїйшла нїяка ѣтповѣдь, уконстатуовалєя выдѣлъ 4 (16) с. м. и сталъ энергично мыслити объ органичнѣмъ трудѣ. Сейчасъ тогожь дня на первомъ засѣданью, на котромъ собрались всѣ львѣвскій члены а зъ провинціи прибули о. В. Лопатинскій и г. Корчукъ, рѣшено выдавати отъ мая (т. е. новогу року для Общества) мѣсячно популярный изданія въ объемѣ 1—2 листовъ такъ, чтобы черезъ то можъ было частѣйше вєступити въ общєньє съ членами и чтобы корысть была явна. Кромѣ того рѣшено якъ найкорше розѣслати 4ту книжочку „Скотъ домашній“, а 5-ту „Горить“, соч. о. Наумовича, якъ найкорше выпечатати и тоже розѣслати еще передъ маемъ. — Дебатовано еще надъ устроєньємъ отвѣтныхъ филій, — могучихъ значно улєкшити розсылку изданй, — а вкѣнци передано кассу новому кассієру г. Щербану. — Засѣданья маюте теперь отбыватися правильно шо 2 недѣли по четвергамъ. — Поднести ту слѣдує, що мѣстопрєдѣлатель, г. дрѣ Евг. Мируновичъ, ревно и щиро занялся дѣлами Общества, посвящаючи денно 3 години и бѣльше дѣловодству. — секретарь же г. Ив. Левицкй зрезигновалъ на плату, нимъ цобираему, чтобы тѣлько могло Общество прїйти до леда якого капитала.

— На послѣднѣмъ Сборѣ юго-зап. отдѣленія импер. росейскаго географичного Общества дня 23 Сѣчня рѣшено печатати сборникъ всѣхъ сочинєний и статій М. А. Максимо-вича а кромѣ того начати третій томъ Записокъ общества. Пѣзнѣйше подамо близшій вѣсти про дѣятельность того общества

— Радостну вѣсть доносимъ нашимъ красавицямъ! Парижанки перестаютъ носити чужє волосє, прїйшовши вѣдай до горького перєсвѣдчєнья, що то такъ часто-густо шкодливе для здоровья украшатися волосьємъ зъ умершихъ або заразливо хорыхъ. Если у кого мало природного волосья, то мѣсто него употребляютъ Парижанки шолкъ той самой барвы, що и власный волосъ а навѣтъ совсѣмъ не вєтыдаются, носити хотябы цѣлу перуку зъ шолку. Кобы ино та мода якъ найкорше уже прїйшла до насъ! Мы увѣренй, що пашй читательски будутъ зъ неи дуже радй, бо, маючи свое власне, хороше, буйне русекє волосє, не будутъ потребовати накладати на голову фѣру сѣна чужого, хочемъ казати, шиниѣнѣвъ.

Взываєся должникѣвъ „Акад. Кружка“ до сплаты долговъ до 3. д. мая 18.6, въ противнѣмъ бо случаю будєся зывати тыхже въ часописяхъ нашихъ — поименно.

Львѣвъ дня 13. (25.) марта 1876.

Отъ Выдѣла „Акад. Кружка“.

Переписка: о. **Ө. К.** въ Бел. — просимо дуже, все прїдаєся. — г. Кум. — Калифорнїю получили, теперь наваль, пѣзнѣй скорыстаемъ.

Содержанье: Денись (продол.); Петрѣи и Дєбощуки (втора часть); Отповѣдь на „второе письмо“ г. Украинця; Литературный вѣсти и критика (Мизєрѣвка — Гараздѣвка, „Другъ Народа“, Роздѣленое сердце); Новинки.

Властитель и издатель „Академическй Кружокъ.“ За редакцію отвѣчає Алексей О. Зафѣвскй.